

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

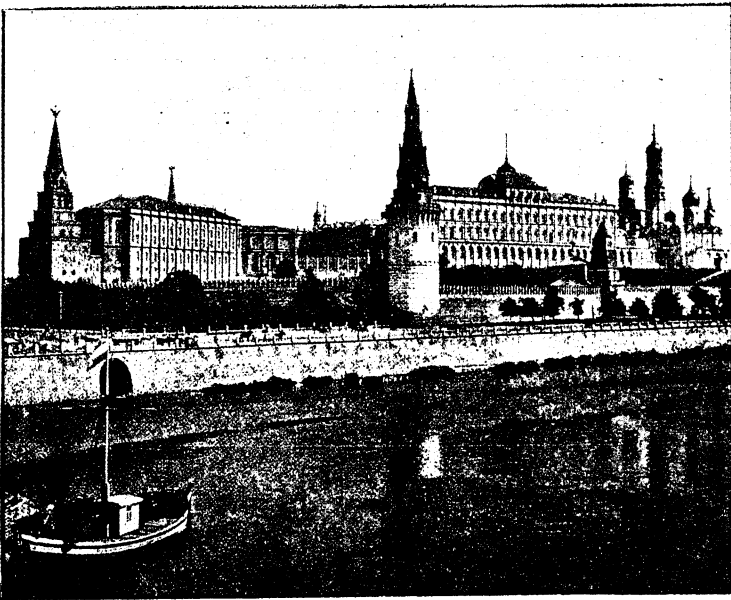
ЧТЕНІЯ

ДЛЯ

МОСКОВСКИХЪ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

IV выпускъ.

В. Назаревскаго.

Изданіе Комиссіи по устройству чтеній для рабочихъ.

МОСКВА.

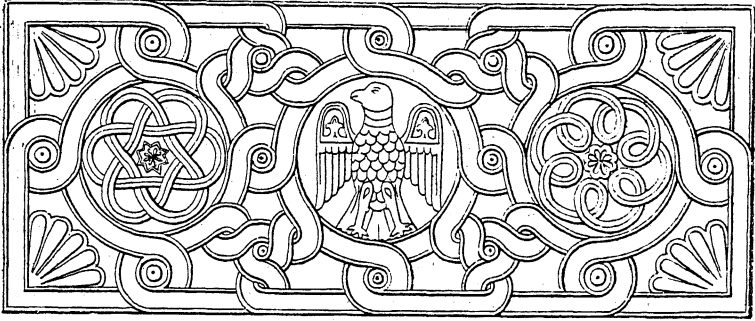
Университетская типографія, Страстной бульварь.

1903.

Доволено цензурю. Москва, 18 ноября 1903 года.

2004175438

I.

ь настоящаго выпуска Русской Исторіи мы вступаемъ въ ту пору, когда Московская Русь восходитъ на высшую ступень своего историческаго существованія: организуетъ у себя Царство Самодержавное, которое не могли поколебать ни смутное время, ни періодъ подражаній Западу и которое и нынѣ служитъ основою могущества и величія Россіи. Вотъ почему подлежащія чтенія требуютъ отъ васъ особаго вниманія.

Вы знаете, что на Куликовскомъ полѣ кровью десятковъ тысячъ русскихъ людей, соединившихся изъ разныхъ удѣловъ подъ стягъ Великаго Князя Московскаго, было подписано не только будущее освобожденіе Руси отъ монгольскаго ига, но и ея объединеніе подъ мощною властью единаго Государя всея Руси въ единоедержавномъ государствѣ. Съ того времени литературные памятники именуютъ Великаго Князя Московскаго „Царемъ Русскимъ“, хотя отъ принятія титула Царскаго Московскимъ Государемъ отдѣляетъ его еще полторасти слишкомъ лѣтъ. Но съ Куликовской побѣды стремленіе въ единоедержавію Царскому Московскихъ князей изъ дѣла

всероссійскихъ митрополитовъ и московскихъ бояръ становится дѣломъ народнымъ, дѣломъ національнымъ, потому что всѣ русскіе люди, даже тѣ, которые жили подь чужеземной литовско - польской властью, познали всю благодѣтельность мощной власти единодержца всея Руси и желали ея укрѣпленія и развитія. Такому историческому развитію этой власти не могли уже помѣшать ни единственныя, въ родѣ Московскихъ князей, усобицы при внукаѣ Дмитрія Донского Василии II Васильевичѣ Темномъ, ни усилія остававшихся еще на Руси удѣльныхъ княжествъ и вѣчевыхъ общинъ. Московское Государство, при сынѣ названнаго князя Іоаннѣ III, кромѣ инородческихъ владѣній: къ западу—литовско-польскихъ, а на востокъ татарскихъ (кипчакскихъ, казанскихъ и крымскихъ), было окружено еще русскими удѣлами: тверскимъ, рязанскимъ, новгородскимъ и псковскимъ. Іоаннъ III, повинуваясь завѣтамъ предшествующей исторіи, въ свое правленіе (1462—1505) сильно раздвинулъ владѣнія Московскаго Государства и далъ почувствовать мощь его инородческимъ сосѣдямъ и сдѣлалъ его виднымъ во всей Европѣ, отъ Рима до Стамбула. По волѣ Провидѣнія сила Московскаго Государства стала быстро возрастать съ упадкомъ Византійской имперіи и поднялась до значительной высоты вслѣдъ за совершившимся 450 лѣтъ тому назадъ уничтоженіемъ ея турками. На мѣсто греческаго православнаго государства на востокѣ Европы выдвинулось другое православное государство Русское.

Въ тотъ самый годъ, какъ умеръ Дмитрій Донской въ 1389 году султанъ турецкій Мурадъ I разгромилъ на Балканскомъ полуостровѣ сильную славянскую державу—Сербію, побѣдивъ сербскаго короля Лазаря на Коссовскомъ полѣ. Онъ покорилъ затѣмъ и болгаръ. Одряхлѣвшая Византійская Имперія была съ этой поры

окружена турецкими владѣніями на самомъ Балканскомъ полуостровѣ. Россія необъединенная вполнѣ, еще неокончательно страшнувшаяся съ себя иго татарское, находившаяся подъ властью Василия Темнаго, конечно, не могла спасти Византію отъ гибели, и та молила западь о помощи. Но тамъ больше думали не о томъ, что нужно дать грекамъ, а о томъ, что нужно взять съ нихъ, и рѣшили взять у нихъ, какъ плату за по-

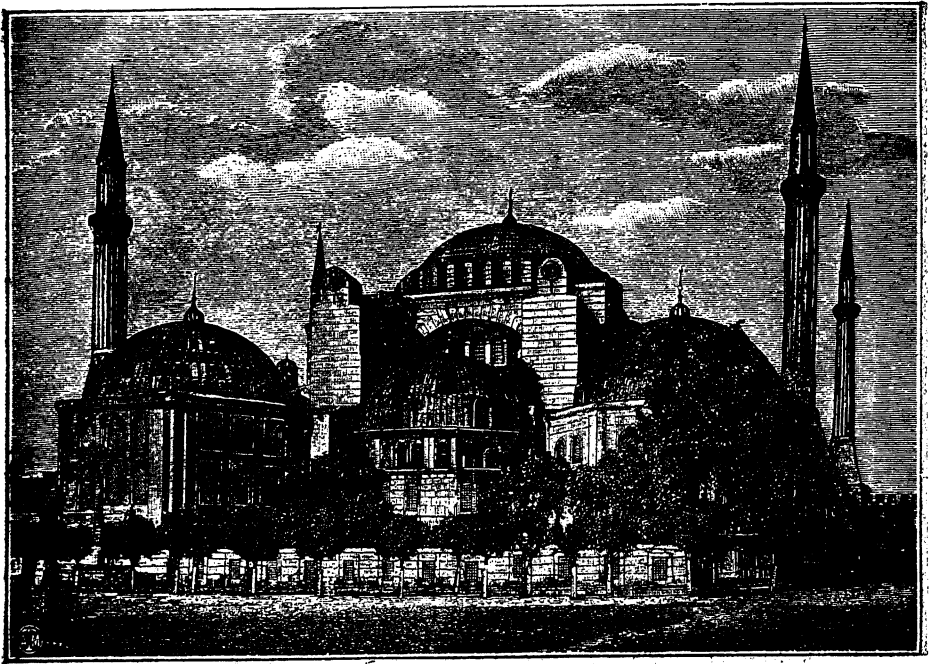

Мозаика Цареградской Софіи.

мощь, ихъ лучшее сокровище—православіе. Римскій папа потребоваль, чтобы греки подчинились ему, — папѣ, чтобы они свою церковь соединили съ латынской. И на Флорентійскомъ соборѣ греками подписано было это соединеніе, или унія церквей. Этотъ печальный актъ подписалъ и бывший въ то время на Руси митрополитомъ грекъ Исидоръ. Но когда онъ пріѣхаль въ Москву и въ нашемъ Успенскомъ соборѣ, за первую же службой своей, помянулъ вмѣсто восточныхъ патріарховъ папу римскаго, великій князь Василій Васильевичъ сразу замѣтилъ эту измѣну православію, всенародно обличилъ

уніата и посадить его въ подземелье Чудова монастыря, приказавъ русскимъ епископамъ лишить его сана...

Но и греки не приняли уніи, и западъ не помогъ Византійской имперіи, и всего за 9 лѣтъ до начала правленія Іоанна III Цареградъ, въ 1453 году, былъ взятъ послѣ страшнаго штурма турецкимъ султаномъ Магометомъ II и обращенъ въ турецкую столицу, а храмъ

Храмъ Св. Софіи въ Константинополѣ.

Софіи былъ сдѣланъ магометанскою мечетью съ полумѣсяцемъ на куполѣ вмѣсто креста. Нечего было и думать, какъ я сказалъ, о помощи Византіи отъ лишеннаго зрѣнія Василія Темнаго. Но она не дождалась помощи и отъ зрячихъ—императора Священной Римской имперіи Фридриха III и отъ Римскаго папы.

Съ паденіемъ православной державы въ Цареградѣ,

взоры порабощенныхъ магометанскимъ полумѣсяцемъ православныхъ народовъ востока (грековъ и славянъ) съ надеждой устремились на православный крестъ и православную державу, сіявшіе въ Москвѣ. И вотъ свѣтъ московской государственной свѣщи разгорается еще новыми лучами, озаряющими уже не только всю Русь, но и весь православный востокъ.

Великая историческая слава Іоанна III, что онъ въ тѣмъ настоящаго и чрезъ сумракъ грядущихъ вѣковъ своимъ дальновиднымъ взоромъ провидѣлъ всю силу этого

Медаль Магомета II.

новаго свѣточа исторіи, а Новгородъ и Тверь, и Рязань, и другіе русскіе удѣлы, не стоявшіе на высотѣ историческихъ задачъ, все еще дѣлали хилыя попытки угасить въ Москвѣ даже свѣчу Іоанна Калиты и Св. митрополита Петра, но не на ихъ сторонѣ была сила исторіи: она была на сторонѣ Москвы, которой предлежало великое значеніе не только во всей Россіи, но и на всемъ православномъ востокѣ.

Каждая великая историческая личность имѣетъ свои особыя достоинства. Глубокій, дальновидный и холодный умъ, тонкая практическая политика настойчивыхъ.

но постепенныхъ дѣйствій, гибкая, но несокрушимая воля, вотъ что отличало Иоанна III въ ряду нашихъ государей. Не ищите въ немъ не только удали южно-русскихъ Мстиславовъ, но и личной храбрости Дмитрія Донского, но оцѣните въ немъ качества другого характера. Онъ не гоняется за шумной быстротой и оригинальностью дѣйствій, не любитъ треска и грома собы-

Иоаннъ III. Съ древней гравюры.

тій, но онъ ведетъ исторію дальше, додѣлываетъ то, чѣго не сдѣлали его предшественники, и достигаетъ своихъ цѣлей съ наименьшими тратами средствъ, которыми онъ располагалъ.

Прежде всего онъ памятенъ въ Исторіи нашей, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ собирателей Руси вокругъ Москвы.

Огромную важность имѣло присоединеніе Иоанномъ къ

Москвѣ Великаго Новгорода, не потому только, что онъ имѣлъ очень обширныя земли, занимавшія сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи; но потому, что оно было сопряжено съ уничтоженіемъ вѣча, несомѣстнаго съ монархическимъ строемъ всея Руси.

Вы знаете, что новгородцы вмѣстѣ съ другими славянами, учреждая у себя государство и вручая верховную власть надъ собою государю—князю, отказались отъ вѣча, которое было бессильно оградить ихъ отъ усобицъ (когда они „воевали сами на ся“), и дать имъ порядокъ и правду („не бѣ у нихъ при вѣчѣ правды и наряда“).

Несмотря на это, новгородцы въ княжеское время опять стали сходиться на свои вѣча: потому что князья со времени Олега стали жить не въ Новгородѣ, а въ Кіевѣ, управляя первымъ посредствомъ назначенныхъ ими посадниковъ и тысяцкихъ. Если въ Новгородѣ сидѣли младшіе князья, то они, какъ только освобождался княжескій престолъ въ Кіевѣ или близъ него,

уходили съ береговъ Волхова въ Приднѣпровье. Уже въ это время стало по временамъ шумѣть въ Новгородѣ вѣче и даже буйственно относилось иногда къ князьямъ. Но князья, какъ напр. самъ Ярославъ Мудрый, на коего какія-то неизвѣстно грамоты ссылались новгородцы, сильной рукой подавляли движенія ихъ. Такъ

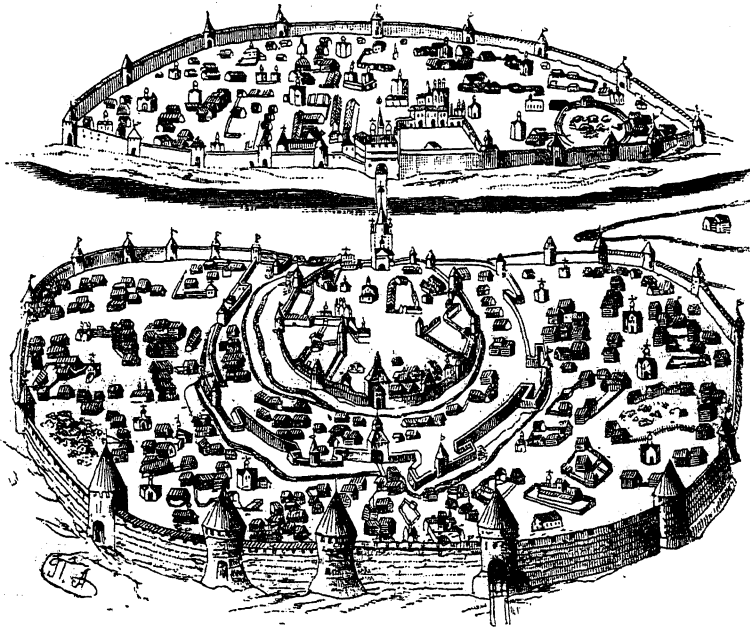

Печати Новгорода.

Ярославъ, какъ вы помните, предъ самымъ походомъ на Святополка избилъ множество новгородцевъ. При такихъ условіяхъ ихъ вѣче не думало присваивать себѣ врученную князю верховную власть.

Но въ XII вѣкѣ, по смерти Владиміра Мономаха, нравственно-родовымъ авторитетомъ высоко поднявшаго достоинство власти княжеской, взяла верхъ удѣльная система, своими усобицами уронившая силу и значеніе власти князей. Этимъ ослабленіемъ княжеской власти воспользовался Новгородъ, чтобы присвоить своему вѣчу власть, принадлежащую князю; вѣче стало избирать своихъ посадниковъ и тысяцкихъ, само стало избирать даже князей, заключало съ ними договоры или ряды, чтобы они правили новгородцами на ихъ волѣ; а эта воля заключалась въ томъ, чтобы князь судилъ не одинъ, а вмѣстѣ съ посадникомъ, не налагалъ бы, безъ согласія вѣча, новыхъ податей, не лишалъ бы власти выборныхъ людей и т. д. Многіе князья, желая держаться въ богатомъ Новгородѣ, исполняли эти условія, закрѣпляя тѣмъ новгородскія вольности. Тѣ князья, которые ревновали о достоинствѣ и силѣ княжеской власти и несклонны были потакать новгородскимъ вольностямъ, были нелюбы новгородцамъ, и они говорили имъ: „кланяемся тебѣ, князь, уходи отъ насъ“. Но, какъ вы знаете, князья сѣверно-русскіе, велико-русскаго типа, не давали развиваться въ Новгородѣ полуреспубликанскому духу. Ограничивалъ Новгородъ и требовалъ отъ него себѣ повиновенія Юрій Долгорукій, основатель нашей Москвы. Но еще строже держалъ его Андрей Боголюбскій, онъ говорилъ: „знать бы Новгороду, буду искать его добромъ или лихомъ“. Онъ снарядилъ походъ въ Новгородъ, правда неудавшійся. Но, останавливая подвозъ хлѣба въ Новгородъ, онъ голодомъ заставлялъ его смиряться предъ собою и принимать къ себѣ князей

отъ его руки. Когда новгородцы не приняли его подручника, онъ сказалъ: „не будетъ вамъ другого князя, кромѣ Святослава“. Также относились къ Новгороду и его преемники. Но южно-русскіе князья, не стоявшіе на высотѣ задачъ своего времени, затѣвали изъ-за Новгорода усобицы, часто становились на сторону Новгорода. Такъ Мстиславъ Удалой, потерпѣвшій послѣ по-

Планъ Новгорода съ древней иконы.

раженіе отъ татаръ на Калкѣ, узнавъ, что Ярославъ владимірскій захватилъ пригородъ новгородскій Торжокъ и мужей новгородскихъ, сказалъ: „не быть Торжку выше Новгорода, или отыщу мужей и волости, или головою повалю за Св. Софію и Великій Новгородъ“. Онъ одержалъ побѣду надъ Ярославомъ, бесплодную для Россіи. Самъ Александръ Невскій, столь любимый новгородцами, когда они отказались платить неотвратимую дань

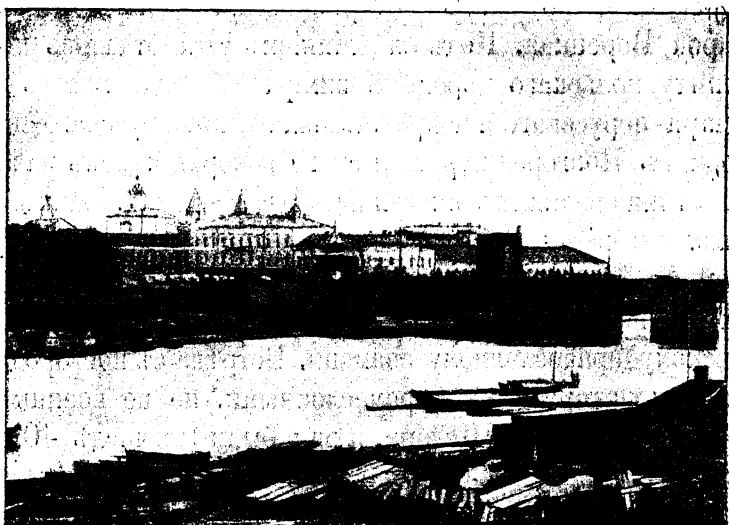
Золотой ордѣ и готовы были навлечь на Русскую землю новый разгромъ, долженъ былъ казнить буйныхъ новгородцевъ. Въ такомъ же духѣ относились къ Новгороду и московские князья — собиратели Руси, начиная съ Калиты. Но вольница новгородская — ушкуйники грабили Русское Поволжье. Измѣняя Русскому знамени, новгородцы принимали князей отъ литовской руки, отдаваясь подъ власть литовскаго государя, который, владея русскими землями, именовалъ себя и русскимъ княземъ; постоянно

Новгородъ. Софійская сторона.

ссорились съ московскими намѣстниками, именуя великаго князя господиномъ также, какъ называли свое вѣче „господиномъ Великимъ Новгородомъ“. Но этотъ великій господинъ являлъ собою невиданные на Руси примѣры раздоровъ политическихъ партій и классовой борьбы и подкупности самаго вѣча. Тамъ постоянно боролись между собою сторонники Москвы и партизаны Литвы, и бѣдные и богатые, и знатные и простые. На вѣчахъ горланили „худые мужики вѣчники“, совершались подъ звонъ вѣчевого коло-

кола убійства; бывало и сразу по два вѣча: одно на Торговой сторонѣ, на дворѣ Ярослава, другое на Софійской— у стѣнъ первопрестольнаго собора. Оба эти народо-правства, какъ было еще въ догосударственное время, „воевали сами на ся“, шли другъ на друга междуособною войною. Если владыка—архіепископъ новгородскій не успѣвалъ съ духовенствомъ, съ хоругвями и иконами, занять волховской мостъ, то уже на немъ происходили страшныя побоища: представители народо-правства топили другъ друга, бросая съ моста въ Вол-

Новгородъ. Торговая сторона.

ховъ одинъ другого. Профессоръ В. О. Ключевскій насчитываетъ въ Новгородѣ, со смерти Ярослава Мудраго до татарскаго нашествія, 12 смуть; а съ этого времени до вступленія на престоль Іоанна III уже 20. Въ первыя 200 лѣтъ меньше, и во вторыя больше. Значить, чѣмъ дальше шло, тѣмъ было хуже. Отецъ Іоанна III Василій Темный запретилъ новгородцамъ писать „вѣчныя (исходящія отъ вѣча) грамоты“ и велѣлъ писать таковыя

отъ имени великаго князя и утверждать ихъ великокняжескою печатью. Но когда Василій Васильевичъ прибылъ въ Новгородъ съ двумя сыновьями, новгородское вѣче у св. Софїи замыслило убить его съ дѣтьми. Ясно, „не бѣ правды въ нихъ“, какъ было до основанія государства. И было дѣломъ и правды и милости къ прогрессивно-разлагавшемуся Новгороду покончить съ его народоправствомъ и дать и здѣсь мѣсто общегосударственному монархическому порядку.

При Иоаннѣ III въ Новгородѣ господствовала партія Борецкихъ, во главѣ которой стояла вдова посадника Марѳа Борецкая. Подъ ея влїяніемъ вѣче отдалось подъ защиту польскаго короля Казиміра IV, подъ власть государя нерусскаго и неправославнаго, хотя русскаго духа люди въ Новгородѣ противъ этого говорили: „изъ начала мы отчина великихъ князей изъ рода Рюрика“. Иоаннъ посылалъ уговаривать новгородцевъ не измѣнять старинѣ русской. Но такъ какъ это не подѣйствовало, онъ двинулся съ своимъ войскомъ на новгородцевъ, какъ на измѣнниковъ русскому православному знамени. Встрѣча съ новгородцами, людьми торговыми и ремесленными, но не военными, произошла на рѣкѣ Шелони, и они были (въ числѣ 40 тысячъ) на голову разбиты москвичами (4500 человекъ). Иоаннъ вступилъ въ Новгородъ, но, заставивъ его отречься отъ Литвы и взявъ съ новгородцевъ черный боръ въ 15000 р. (80 пудовъ серебра), довольно милостиво обошелся съ ними, оставивъ у нихъ до поры до времени вѣче, и показалъ имъ примѣры справедливости, даже для маломочныхъ людей, суда московскаго. Но и послѣ этого въ Новгородѣ шли смуты; самъ выборный посадникъ Ананьинъ наѣхалъ съ отрядомъ вооруженныхъ людей на двѣ улицы, ограбилъ людей и многихъ перебилъ. На этотъ разъ пострадавшіе искали управы не у вѣча, а обратились за судомъ къ Иоанну. Для суда онъ при-

ѣхалъ въ Новгородъ: виновные не избѣгли наказанія, Ананьинъ былъ смѣненъ, закованъ и отправленъ въ Москву. Судъ государя понравился большинству новгородцевъ (рядовичамъ), они стали ради него ѣздить въ Москву, гдѣ властвовали одинъ государь, народу во отца мѣсто. Однажды послы новгородскіе назвали Іоанна не господиномъ, какъ прежде, а государемъ... Тотъ послалъ спросить новгородцевъ, какого они хотятъ государства; онъ не знаетъ де другого, какъ то, которое дер-

Софійскій соборъ въ Новгородѣ.

жить на Москвѣ. Зашумѣло вѣче, и враждебные Москвѣ вѣчники перебили приверженцевъ Москвы и послали бить челомъ великому князю, чтобы онъ отчину свою пожаловалъ и оставилъ въ ней все по старинѣ. Но онъ пошелъ на Новгородъ походомъ, а тотъ не выставилъ уже въ поле войска. Новгородцы, томимые голодомъ, все еще торговались съ великимъ княземъ о сохраненіи хоть нѣкоторыхъ своихъ вольностей. Іоаннъ отвѣчалъ: „вы нонѣча сами указываете мнѣ и чините урокъ нашему

государству, какъ ему быть у васъ. Какое же тутъ государство, когда я не вамъ, а вы мнѣ указываете и урекаете, какъ долженъ я держать васъ. Я хочу такою государства, какъ на Москвѣ. Какъ на Москвѣ, такъ хочу быть и въ отчинѣ нашей Новгородѣ“. Когда новгородскій владыка съ посадниками и другими выборными людьми молвили, чтобы самъ великій князь сказалъ, какъ его государству быть въ Новгородѣ, онъ отвѣтилъ: „наше государство великихъ князей таково: вѣчу и колоколу въ нашей отчинѣ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать и всему остальному быть, какъ у насъ въ Низовской землѣ“. Марѳа посадница и много новгородскихъ бояръ были увезены въ Москву; увезенъ былъ туда и новгородскій вѣчевой колоколь, и „внесли его на колокольницу на площади съ прочими колоколами звонити“. Вмѣстѣ съ Новгородомъ были покорены его великія и обильныя земли, простиравшіяся до Ледовитаго океана и горъ Уральскихъ. Покорена была и вѣчевая Вятка. Скоро Іоаннъ III приказалъ схватить въ Новгородѣ нѣмецкихъ купцовъ такъ называемаго Ганзейскаго союза и тѣмъ подорвалъ обогащавшую Новгородъ торговлю.

Тверское княжество было теперь окружено со всѣхъ сторонъ московскими владѣніями. Тамошній князь Михаилъ Борисовичъ вступилъ въ союзъ съ литовскимъ княземъ. Іоаннъ двинулся съ войскомъ на Тверь, но ея князь выбѣжалъ въ Литву, и его княжество было присоединено къ Москвѣ. Князья ярославскіе, а затѣмъ ростовскіе и бѣлозерскіе уступили свои владѣнія Іоанну. Псковъ и Рязань сохранили свою отдѣльность до поры до времени только полною покорностью Московскому государю.

Чрезвычайно характеристичны его отношенія къ литовско-польскому государству, которое держало подъ

своею властью княжества кievское, черниговское, смоленское и другія русскія земли. Иоаннъ считалъ себя отчичемъ и дѣдичемъ всѣхъ русскихъ земель и въ грамотахъ, посылаемыхъ въ Польшу и Литву, именовалъ себя государемъ всея Руси и охотно принималъ къ себѣ на службу переходившихъ отъ Литвы русскихъ князей бѣлевскихъ, одоевскихъ, воротынскихъ, тяготѣвшихъ къ нашему государю, вслѣдствіе единства крови, языка и вѣры. Сильно злобился за это на Москву король польскій Казиміръ IV, но не отважился на войну съ Иоанномъ. По его смерти Литва имѣла отдѣльнаго отъ Польши государя сына перваго Александра. Онъ, думая обезпечить себѣ русскія земли отъ притязаній Иоанна, женился на его дочери, княжнѣ Еленѣ. Но тяготѣніе русскихъ князей къ Москвѣ продолжалось и привело къ разногласію и войнѣ съ Литвою, въ коей литовцы были разбиты русскими. Когда папа и венгерскій король хлопотали о примиреніи Москвы съ Польшей и Литвою, Иоаннъ отвѣчалъ: „отчина королевская — земля польская и литовская, а Русская земля—наша отчина; Кіевъ, Смоленскъ и многіе другіе города — извѣчное наше достояніе, мы ихъ будемъ добывать; хотите вѣчнаго мира, отдайте Смоленскъ и Кіевъ“. Понятно, что Иоаннъ III заключилъ только недолгое перемиріе съ Литвою.

Такой единоподержецъ, конечно, не могъ переносить и тѣни монгольскаго ига и по имени только считаться данникомъ монгольской орды, уже раздѣлившейся на три орды Кипчакскую, Крымскую и Казанскую. Въ 1480 году, чрезъ сто лѣтъ послѣ Куликовской побѣды, отъ хана Золотой орды Ахмата пришли послы и требовали отъ Иоанна III, чтобы онъ уплатилъ имъ дань и по прежнимъ примѣрамъ кланялся предъ ханскимъ изображеніемъ или басмою. Великій князь разорвалъ ханскую грамоту, растопталъ басму и прогналъ его пословъ изъ Москвы.

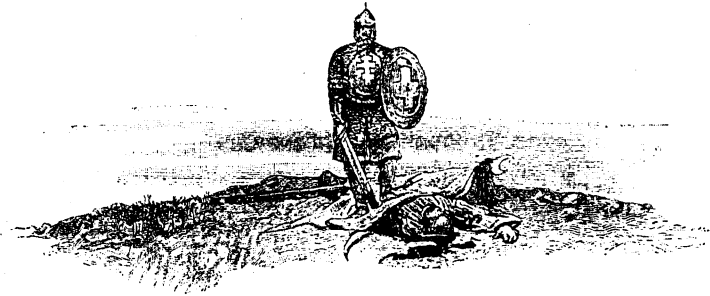
Ахматъ ополчилъ противъ Іоанна Золотую орду и вступилъ въ союзъ съ королемъ польскимъ Казиміромъ. Великій князь двинулся на него со своими ратями къ рѣкѣ Угрѣ. Всѣ ждали здѣсь новой Куликовской битвы. Но Іоаннъ, любившій достигать своихъ цѣлей полити-

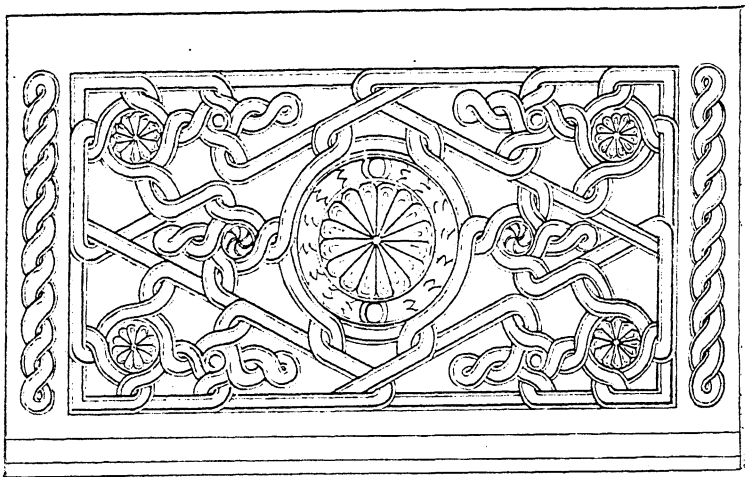

Іоаннъ III и ханскіе послы.

ческими, а не военными средствами, заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ, ханомъ Крымскимъ, и послалъ свой отрядъ подъ начальствомъ боярина Ноздреватаго на столицу Золотой орды самый Сарай и прямо уклонялся отъ битвы; онъ даже возвратился въ Москву и здѣсь былъ встрѣченъ рядомъ укоровъ въ малодушіи и даже

трусости. Возвратившись снова къ войску, онъ однако не далъ битвы и отступилъ, но и Ахматъ отступилъ назадъ, потому что начались морозы, а татары были плохо одѣты. Черезъ нѣкоторое время русскіе и крымцы окончательно разорили столицу Кипчакскаго ханства. Такъ пала Золотая орда, столь долго властвовавшая надъ Россіей. Укоримъ ли мы Іоанна, что онъ осуществилъ освобожденіе Руси отъ монгольскаго ига совсѣмъ другими средствами, а не тѣми, какія рекомендовали его современники?

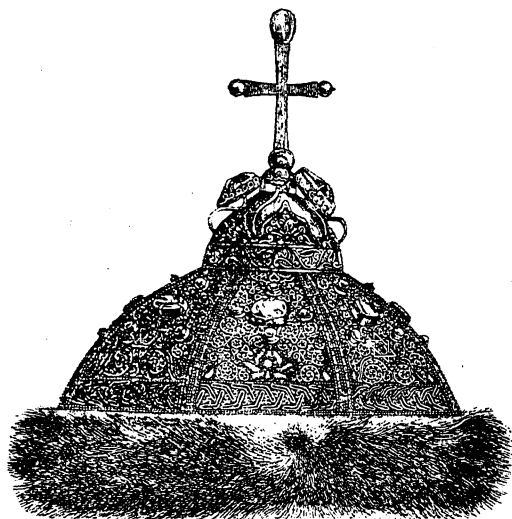

II.

редставитель независимости и единодержавія Руси, Иоаннъ III былъ первымъ самодержцемъ у насъ; его такъ и называли современники. „Какое же тутъ мое государство, когда не я вамъ, а вы мнѣ указываете и урекаете, какъ долженъ я держать васъ“, сказалъ Иоаннъ новгородскому вѣчу. Онъ не позволялъ никому „чинить урокъ своему государству“ и честно и грозно охранялъ свою власть неограниченную. Нѣкоторые современники и потомки видятъ въ этихъ самодержавныхъ стремленіяхъ Иоанна только пришлое греческое вліяніе его супруги царевны греческой Софіи Палеологъ, племянницы послѣдняго Византійскаго императора Константина XI. Правда, что онъ послѣ женитьбы на ней принялъ гербъ Византійской имперіи двухглаваго орла, сталъ считаться наслѣдникомъ ея земель и государственныхъ преданій, окружилъ себя болѣе, чѣмъ прежде, блестящимъ дворомъ, не сталъ въ думѣ слушать боярскихъ совѣтовъ, не терпѣлъ прогиворѣчій, сталъ вершить дѣла одинъ, приказывая дья-

камъ записывать его рѣшенія. Но не нужно забывать, что единоедержавіе по природѣ своей влечетъ къ самодержавію, само по себѣ, безъ стороннихъ вліяній и безъ внѣшнихъ примѣровъ. Припомните, что за 300 лѣтъ до Іоанна III великорусскій князь Андрей Боголюбскій, желавшій „быть одинъ властель въ землѣ своей,“ смотрѣлъ даже на князей—родичей, какъ на своихъ подручниковъ, а когда они не ходили въ его волѣ, говорилъ непослушному: „не велю тебѣ быть въ Русской землѣ, поди

Шапка Мономаха.

вонъ изъ нея“. Вы сегодня уже слышали его грозный окрикъ на новгородское вѣче. Добавьте къ этому, что тотъ же великій князь, желая быть, по выраженію лѣтописи, самовластцемъ въ своей землѣ, требовалъ отъ своей дружины, своихъ бояръ, безусловнаго себѣ повиновенія. Можно, конечно, и здѣсь допустить вліяніе Византіи на наслѣдника греческой шапки Мономаха. Но нельзя не видѣть въ этомъ и своей самобытной русской основы, а она идетъ отъ самаго начала русскаго

государства. До прихода къ намъ византійскихъ вліяній восточные славяне, рѣшивъ учредить у себя государство, говорили: „поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами по праву“. Тутъ не говорилось, чтобы власть этого князя дѣлили и другіе князья, дружинники и вѣче. Если это дѣленіе, это дробленіе единой и стоящей выше всего, ни отъ кого независимой, власти государя было на Руси и длилось долго, то это происходило отъ того, что великимъ князьямъ, подъ вліяніемъ разныхъ независимыхъ отъ нихъ обстоятельствъ, нельзя было сразу сознать всю силу своей власти, стать на высотѣ своего государственнаго положенія. Едва мерцала свѣща государевой власти въ Новгородѣ, лучше свѣтилась она въ Кіевѣ, при Владимірѣ Св., Ярославѣ Мудромъ, Владимірѣ Мономахѣ, еще яснѣе стала горѣть она въ Залѣсскомъ Владимірѣ при Андреѣ Боголюбскомъ и Александрѣ Невскомъ. Но въ тяжелую пору татарской неволи нужно было московскимъ князьямъ до времени держать ее подъ спудомъ, пока не накопилось въ Москвѣ столько силъ, сколько было нужно, чтобы не дать бурямъ заглушить ее.

Осторожный Іоаннъ III довольствовался титуломъ государя и не именовалъ въ грамотахъ себя Царемъ Самодержавнымъ, но никому не мѣшалъ именовать себя и Царемъ и Самодержцемъ. Любопытно познаться съ тѣмъ, какъ смотрѣлъ самъ Іоаннъ III на свою власть и какъ относились къ ней его современники въ Россіи и въ другихъ странахъ.

Когда посоль германскаго императора Поппель предложилъ Іоанну выхлопотать для него у своего государя королевскую корону, нашъ государь отвѣтилъ: „Мы, Божіей милостію, государь на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, и постановленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы;

и просимъ Бога, чтобы и впредь далъ Богъ и намъ и нашимъ дѣтямъ до вѣка такъ быть, какъ мы теперь

Иоаннъ III. По Титулярнику.

государи въ своей землѣ, а поставленія ни отъ кого не хотѣли и теперь не хотимъ“.

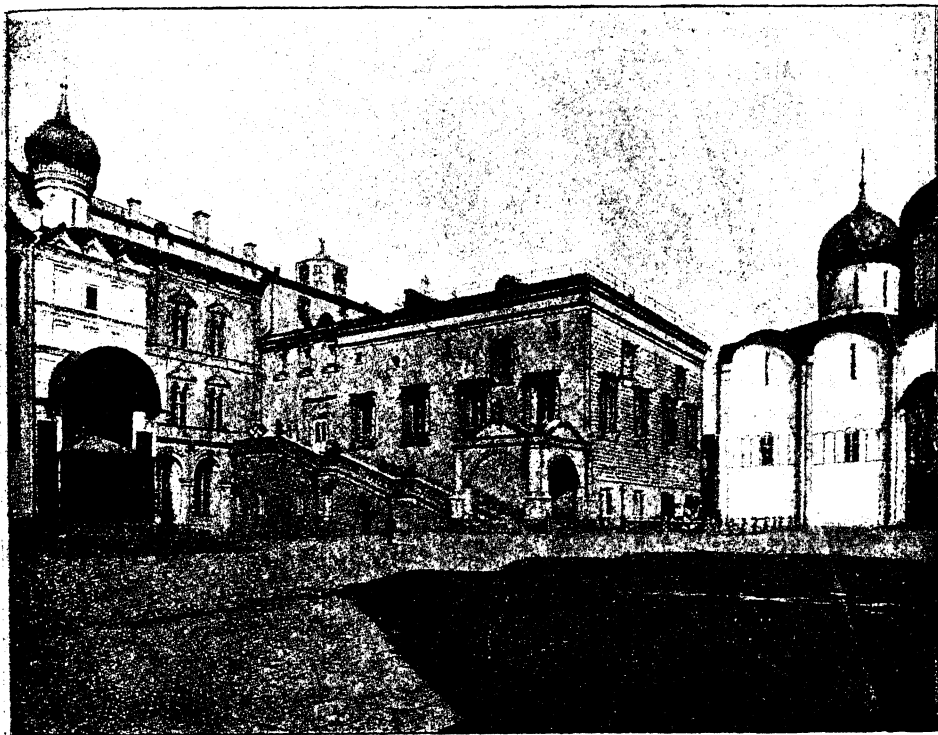
Иоаннъ III первый изъ московскихъ^ъ государей совершилъ въ нашемъ Успенскомъ соборѣ коронованіе

царскимъ вѣнцомъ Мономаха внука своего Дмитрія. Іоаннъ IV, самъ уже принявъ титулъ царя, только повторилъ введенное впервые Іоанномъ III вѣнчаніе на царство, и въ послѣдующіе вѣка самый обрядъ этого священнодѣйствія лишь дополнялся только.

Памятники того времени сохранили намъ любопытныя подробности этого впервые совершеннаго торжественнаго священнодѣйствія. Торжество происходило 4 февраля 1498 года. Посреди Успенскаго собора, на особомъ возвышеніи, на такъ называемомъ чертожномъ мѣстѣ, поставили три сѣдалища, для государя, митрополита Симона и Дмитрія. Первые двое сѣли на свои мѣста, а Дмитрій сталъ предъ ними у верхней ступени помоста. Великій князь обратился къ первосвятителю со слѣдующими словами: „Отче митрополить! Возіимъ повелѣніемъ—отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша; оттолъ и до сихъ мѣстъ отцы—великіе князи сынамъ своимъ первымъ давали великое княженіе, и язъ былъ своего сына перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ. Божія паки воля сталася: сына моего въ животѣ не стало, и у него остался сынъ первый—Дмитрій, и язъ нынѣ его благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ. И ты бы его, отче, на великое княженіе благословилъ“. При этомъ Дмитрій приблизился и преклонилъ голову. Осѣнивъ его крестомъ, митрополить положилъ руку на его голову и произнесъ благословенную молитву. Потомъ великій князь возложилъ на внука бармы и шапку Мономаха. Тогда архидаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе великому князю Дмитрію. Обоимъ великимъ князьямъ приносили поздравленія іерархи, родственники—князья, бояре и прочіе дворскіе люди. Въ заключеніе митрополить и государь сказали Дмитрію свои поученія, потомъ началась литургія, послѣ коей

Дмитрій вышелъ изъ собора въ коронѣ и бармахъ. Въ дверяхъ Успенскаго собора дядя его князь Юрій Ивановичъ трижды осыпалъ его золотыми и серебряными деньгами; то же самое повторилъ онъ передъ соборами Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ.

Характеризуетъ возрѣнія Іоанна Ш на свою госу-

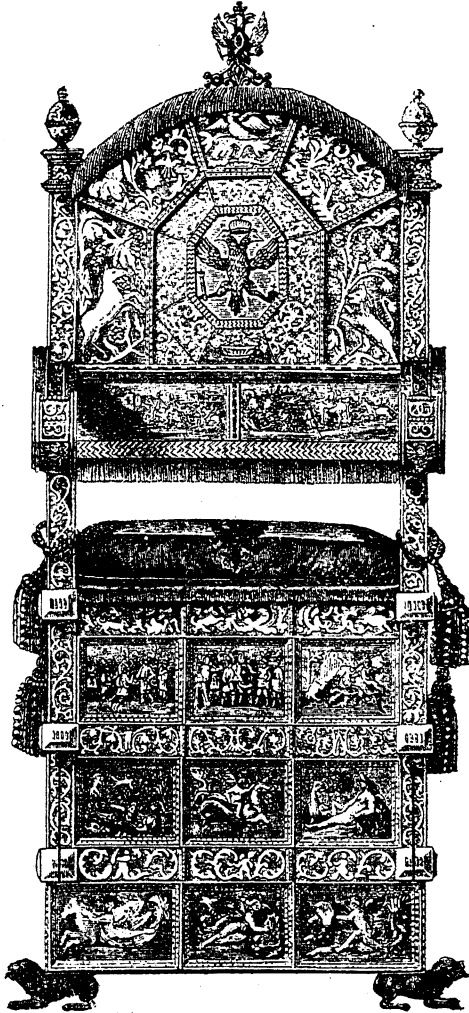

Граковитая палата.

дареву власть и другое священнодѣйствіе, совершенное тоже въ Успенскомъ соборѣ, именно посвященіе въ митрополиты Всероссійскіе игумена Троицкаго монастыря архимандрита Симона (1496 года).

Когда сочувствовавшій занесенной къ намъ изъ Новгорода ереси жидовствующихъ (не вѣровали въ Пресв.

Троицу и отвергали Божество Христа Спасителя, таинства, мощи, иконы и вѣровали только Ветхозавѣтной Библии) митрополить Зосима принужденъ былъ отказаться

Тронъ Иоанна III.

отъ митрополи, при чемъ всенародно положилъ свой омофоръ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ, великій князь созвалъ въ Москвѣ соборъ епископовъ, и они избрали въ митрополиты игумена Троицкаго монастыря

Симона. Иванъ Васильевичъ предъ рукоположеніемъ въ Успенскомъ соборѣ лично и торжественно принялъ участіе въ его нареченіи. При этомъ государь обратился къ избранному со слѣдующею выразительною рѣчью: „Всемогушая и животворящая Святая Троица, даюшая намъ всяя Руси государство, подаетъ тебѣ сій святыи великій престоль архіерейства, митрополию всея Руси, рукоположеніемъ и освященіемъ святыхъ отецъ—архіепископовъ и епископовъ Русскаго Царства и жезлъ пастырства. Отче, воспріими и на сѣдалище старѣйшинства, во имя Господа Иисуса и Его Пречистыя Матери, взыди и моли Бога и Пречистую Его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтяхъ и о всемъ православіи, и подастъ ти Богъ здравіе и долголѣтство“. Поставляемый въ митрополиты отвѣчалъ слѣдующею рѣчью: „Всемогушая и вседержащая десница Вышняго да сохранить Богомъ поставленное твое Царство, Самодержавный Государь и Владыко! Мирно да будетъ и многолѣтно твое государство и побѣдно, со всѣми повинующимися тебѣ и съ христіюбивыми воинствами, да пребываетъ въ вѣкъ вѣка: во вся дни живота здравъ, здравъ, здравъ буди, добротворя, животоносень, Владыка — Самодержецъ, многолѣтень“.

При такихъ возрѣніяхъ на верховную власть, какъ царскую самодержавную, Іоаннъ III является примѣятельнымъ организаторомъ нашего государственнаго быта въ духѣ сложившихся или еще слагавшихся русскихъ обычаевъ. Окружая себя, по примѣру византійскаго императора, царственною обстановкою, онъ организуетъ служилое сословіе. При немъ, кромѣ бояръ, достоинство коихъ теперь жалуются государемъ, являются уже и окольничіе; появляются и придворные чины постельничаго, конюшаго, ясельничаго, оружничаго, ловчаго и др. Ясно выступаетъ система помѣстная, обращающаяся на началахъ го-

сударева жалованья низше классы служилыхъ людей въ помѣщиковъ, рядомъ съ вотчинниками. Развиваются приказы съ ихъ дьяками. Впервые появляется „разрядъ“, наблюдавшій надъ порядкомъ государственной службы; былъ и посольскій приказъ, что можно заключать изъ того, что теперь существовалъ посольскій дьякъ. Земли дѣлятся уже всюду на особыя податныя единицы и облагаются налогомъ, который опредѣляется писцовыми кни-

УЛОЖИ КНЯЗЬ

ли на дѣла епѣй и се трхъ си. судѣтн и судой.
и се отры о судѣ. класъ и боярѣ. и околничѣ.
судити и се боярѣ, и околничѣ. а на сѣ
дѣ бы о боярѣ, и о околничѣ. а дако.
и се да, и о печалованіи и симати, та
ко и се да ко му се, по сѣ да о сѣ да и ни
ни ко му. а сѣ домъ и мѣстни ти, ни
дрѣ житни ко му.*

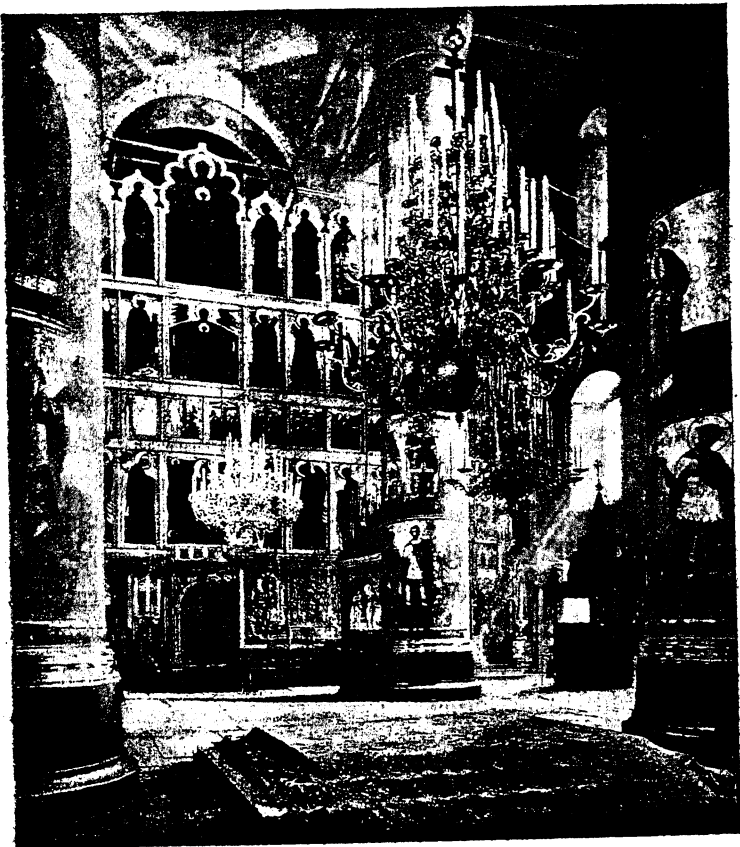
Судебникъ Іоанна III. По древней рукописи.

гами. Переходы крестьянъ съ одной земли на другую разрѣшаются въ теченіе двухъ недѣль, послѣ Юрьева (осенняго) дня. Для организаціи суда Іоаннъ издаетъ Судебникъ, который въ нашемъ законодательствѣ составляетъ шагъ впередъ, по сравненію съ Русскою Правдой,

* Уложилъ Князь Великій Иванъ Васильевичъ всяя Руси съ дѣтьми своими и съ бояря о судѣ, какъ судить бояромъ и околничимъ. Судити судѣ бояромъ и околничимъ, а на судѣ быти у боярѣ и у околничихъ дѣакомъ. Отъ суда и отъ печалованія неимати, такожъ и всякому судѣ. А судомъ не мстити, не дружити ни ко му.

которая допускала кровавую месть и позволяла деньгами отдѣлываться за убійство даже знатныхъ людей (80 гривенъ за голову). Судебникъ же устанавливаетъ государственныя наказанія за всѣ уголовныя преступленія: казнь смертную или торговую, т. е. тѣлесное наказаніе. Приводимъ, какъ образчикъ письма того времени, отрывокъ изъ Судебника Іоанна.

При Іоаннѣ III Москва, и какъ городъ, вступаетъ

Успенскій соборъ

въ новую пору своего [существованія] Она была почти
вся перестроена при этомъ государѣ: въ это время она

стала „бѣлокаменной-златоглавой“. Но эта новая внѣшность Москвы не рѣзала русскихъ глазъ своими отличіями отъ великокняжеской старины: они не знаменовали какого-нибудь крутого внутренняго переворота въ духѣ и сердцѣ Россіи, въ родѣ преобразованій Петра I. Нѣтъ, послѣдовательное и постепенное накопленіе силъ Москвы органически, въ прежнемъ національномъ духѣ, переродило ея наружность. Старая скорлупа, старая ея кожа сошла и органически выросла новая, соответственно размѣрамъ и силамъ выросшаго организма, явилась новая оболочка, новые покровы того же тѣла. См. книгу: „Изъ исторіи Москвы“. М. 1896. Стр. 69—86.

Ярославъ Мудрый, устраивая въ матери градовъ русскихъ, Кіевѣ, по подобію Византіи, Святую Софію и Золотыя ворота, придавалъ ему видъ новаго Цареграда, Андрей Боголюбскій, какъ вы знаете, подобнымъ же образомъ обстраивалъ Владиміръ. Московскіе же князья, среди усобицъ и подъ грозой Золотой орды, должны были таить подъ спудомъ свѣтъ своихъ стремленій, дабы бури его не угасили, и еще не придавали Москвѣ цареградскаго вида. Но не противъ ихъ мыслей и преданій было то, что хранитель и исполнитель ихъ завѣтовъ Іоаннъ III, вмѣсто упавшаго Кіева, а при отцѣ его завоеванной турками Византіи, сталъ дѣлать изъ Москвы для Руси мать ея градовъ, а для всего восточнаго міра новый Цареградъ. Женившись на царевнѣ греческой, Софіи Палеологъ, онъ сталъ, какъ сказано выше, считать себя наслѣдникомъ не только преданій, но и самыхъ земель ея, и принялъ гербъ Греческой имперіи—двоглаваго орла, который очень дружно сжился съ Московскимъ гербомъ—Георгіемъ Побѣдоносцемъ, поражающимъ змія. Вслѣдствіе этого на Западѣ стали возлагать на насъ надежду изгнанія изъ Европы турокъ, которое было не по плечу германо-римской имперіи, именуемой священной и принявшей такой же орлиный гербъ. Въ это

время стало слагаться вѣрованіе, что Русь водворится въ седмхолмномъ Цареградѣ и сниметь магометанскій полумѣсяцъ со св. Софїи. Русскіе люди говорили: „государи наши во всемъ свѣтѣ единые браздодержатели святыхъ Божїихъ престоловъ. Чистое православное ученіе только въ Богоспасаемомъ градѣ Мо-

Св. Георгій Побѣдоносець.

Рѣзное изображеніе въ Успенскомъ соборѣ.

сквѣ удержалось и паче солнца свѣтится. (Русскіе люди послѣ принятія греками Флорентійской уніи подозрительно относились къ ихъ православію). Два Рима пали. Третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быть“.

Поближе всмотримся въ значеніе герба московскаго и византійскаго.

Московскій гербъ окончательно сложился, лишь въ правленіе Іоанна III. Василію, поражающему змія,

предшествовали изображенія на монетахъ и печатяхъ: пѣшій витязь, поражающій дракона (на монетахъ Іоанна II; монгольскій драконъ былъ изображенъ на перстневой печати, подаренной ханшей Тайдулой св. Алексію митрополиту) и всадники — конный ловчій съ соколомъ въ рукѣ, всадникъ съ копьемъ въ рукѣ, но безъ дракона (на монетахъ и печатяхъ Василия I), и всадникъ-мечникъ съ поднятою надъ головою саблей и, наконецъ, уже всадникъ, поражающій дракона (на монетахъ Василия II). Іоаннъ III первый перенесъ это послѣднее изображеніе на государственную печать. Приводимъ ее въ томъ видѣ, какъ она была приложена къ грамотѣ этого великаго князя въ Ревель (по-русски—Колывань).

Чрезвычайно любопытно, какое значеніе имѣлъ этотъ

Печать Іоанна III.

гербовый всадникъ?—По древне-русскимъ понятіямъ, его знаменованіе двойное: по однимъ—всадникъ этотъ изображаетъ государя на конѣ, поражающаго противогосударственное зло. Такъ лѣтопись говоритъ, что при Іоаннѣ IV (въ 1536 г.) учинено было знамя на деньгахъ: „великій князь на конѣ и имѣя копье въ рудѣ, и оттолѣ прозвашася деньги копѣйныя“.

Но представленія государя, торжествующаго надъ противогосударственнымъ зломъ, или азіатскимъ владычествомъ, которыя изображались въ змѣи или драконѣ, уже съ древнихъ временъ, при глубокой религіозности

нашихъ предковъ, стали сливаться въ Москвѣ съ иконографическимъ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца, который пользовался, какъ олицетвореніе священной храбрости и побѣды, надъ адскимъ, языческимъ, противоцерковнымъ началомъ, глубокимъ почитаніемъ въ Россіи. Рѣдкій изъ древнѣйшихъ храмовъ у насъ не имѣлъ иконныхъ изображеній святого Георгія, поражающаго змія. Въ Староладожской, такъ называемой Рюриковой, крѣпости, въ храмѣ, современномъ основанію Москвы, мы находимъ изображеніе Георгія Побѣдоносца. Подобныхъ изображеній, какъ рѣзныхъ, такъ и иконописныхъ, было много и въ другихъ храмахъ, что указываетъ на силу и распространенность почитанія на Руси этого святого. Подъ вліяніемъ столь сильнаго и столь распространеннаго его почитанія, въ княжескихъ семьяхъ имя Георгія стало излюбленнымъ. Владиміръ Равноапостольный нарекаетъ имя Георгія сыну своему Ярославу; Владиміръ Мономахъ даетъ то же имя тому сыну, который, подъ именемъ Юрія Долгорукаго, основалъ Москву; Іоаннъ Даниловичъ Калита далъ своему сыну опять то же имя, и одинъ изъ сыновей Димитрія Донского отданъ подъ покровительство этого же святого. Наконецъ, и самъ Іоаннъ III выбираетъ въ покровители одному изъ своихъ сыновей того же Георгія Побѣдоносца. Примѣчательно, что въ Москвѣ именно въ это время появляются два выдающихся иконографическихъ изображенія Св. Георгія. Одно поставлено было въ Успенскомъ соборѣ надъ гробницею митрополита Теоноста; изъ латинской надписи на немъ видно, что оно прежде было на триумфальныхъ воротахъ, построенныхъ сенатомъ и народомъ римскимъ въ память побѣды Константина Великаго, въ 324 году, надъ защитникомъ язычества императоромъ Лициніемъ, за два года до перенесенія столицы изъ Рима въ Византію. Изваяно оно изъ бѣлаго камня и предста-

влетѣтъ всадника, поражающаго копьемъ змія и дѣву, олицетворяющую христіанскую церковь. Другое подобное изваяніе Іоаннъ III приказалъ поставить на возвышенномъ мѣстѣ у Фроловскихъ, или Спасскихъ, воротъ. Здѣсь Василій III построилъ уже церковь въ честь этого покровителя Москвы и ея государства, и гербовое изваяніе было поверстано, въ качествѣ храмовой иконы, въ иконостасѣ. По упраздненіи этой церкви изображеніе было перенесено въ Вознесенскій монастырь, въ трапезу построенной царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ церкви Михаила Малеина. Несомнѣнна связь этихъ иконографическихъ изображеній Св. Георгія Побѣдоносца съ исторіей государственнаго герба Москвы. Но лишь

Печать Іоанна III.

только закончилось его образование, какъ Іоаннъ III соединяетъ съ нашимъ Московскимъ гербомъ Византійской имперіи двоеглаваго орла. Одноглавый орелъ, водружаемый на римскія знамена и встрѣчавшійся въ гербахъ разныхъ государствъ, былъ выраженіемъ мощи государственной. Двоеглавый же орелъ Византійской имперіи знаменовалъ, что ея царская власть обладаетъ и западомъ и востокомъ ея, куда направлены головы царственнаго орла.

На двойной кормчей печати, привѣшенной къ договорной грамотѣ (1504 г.) сыновей этого государя Василя и Юрія Ивановичей; на одной сторонѣ изображенъ Московскій гербъ, а на другой—Византійскій. На этой печат-

ти титуль государя написанъ такъ: „Іоаннъ Божією милостію господарь всея Руси и великій князь Владимірскій, и Московскій, и Новгородскій, и Тверской, и Угорскій, и Вятскій, и Пермскій, и Болгарскій“. Воспроизводимъ эту печать.

Сознавая величіе и могущество своего государства,

Грановитая палата.

Іоаннъ III, чтобы дать Россіи подобающее положеніе среди другихъ государствъ Европы, вель съ ними дѣятельныя сношенія, въ дѣляхъ политическихъ, торгово-промышленныхъ и образовательныхъ, пользуясь для этого и иностранцами, и своими русскими дипломатами, каковыми у него, кромѣ грековъ и нѣмцевъ, были Гри-

горій Истома, Федоръ Курицынъ, Алексѣй Голохвастовъ, Михайла Плещеевъ, Михайла Еропкинъ, Власій Герасимовъ, Семень Толбузинъ и другіе. Москва въ это время видѣла много чужестранныхъ посольствъ, и сама отправляла въ чужія страны свои дипломатическія миссіи. У насъ въ эту пору завязались сношенія съ императоромъ германскимъ, папою римскимъ, королемъ датскимъ и венгерскимъ, венеціанскимъ дожемъ, султаномъ турецкимъ, шахомъ персидскимъ и другими. Примѣчательнъ духъ и тонъ этихъ сношеній; соображаясь съ нимъ, иностранные послы уже величаютъ Іоанна царемъ и цезаремъ. Государь всея Руси давалъ иностраннымъ посламъ довольно рѣзко чувствовать свое недовольство, если они допускали что-либо, хоть сколько-нибудь невмѣстное съ достоинствомъ Россіи. Когда германскій посоль Поппель предложилъ Іоанну, чтобы онъ отдалъ свою дочь или за маркграфа баденскаго или за курфюрста саксонскаго. Отправляя свое отвѣтное посольство къ германскому императору (грека Трахоніата и при немъ двоихъ русскихъ) съ подарками (собольи и горностаевыя шубы), государь по поводу сватовства велѣлъ сказать, что Московскому государю отдавать дочь свою за какого-нибудь маркграфа непригоже, потому что отъ давнихъ лѣтъ прародители Московскаго государя были въ пріятельствѣ и любви съ знатнѣйшими римскими царями, которые Римъ отдали папамъ, а сами царствовали въ Византіи; но если бы захотѣлъ посватать дочь государя сынъ цезаря (впослѣдствіи императоръ Максимилианъ I), то нашъ посоль долженъ былъ изъявить надежду, что государь захочетъ вступить въ такое дѣло съ цезаремъ. Бракъ этотъ не состоялся; но Максимилианъ отправилъ въ Москву посольство и просилъ здѣсь бѣлыхъ соколовъ и кречетовъ, которыхъ и получилъ. Не имѣя другого подходящаго жениха, Іоаннъ выдалъ дочь за своего подданнаго князя.

Василія Холмскаго, сына побѣдителя новгородцевъ на Шелони, а сына своего Василія женилъ на Софѣѣ Юрьевнѣ Сабуровой, которая была вызвана въ Москву на смотрины въ числѣ 1500 лучшихъ дѣвицъ всего государства. Другая дочь его выдана была за великаго князя литовскаго; но отецъ выговорилъ, чтобъ она отнюдь не мѣняла своей православной вѣры на папизмъ, не была принуждаема ходить въ костель, была вѣнчана по православному обряду, носила бы и въ Литвѣ русскую одежду и имѣла русскихъ слугъ *). Сына своего Иоанна онъ женилъ на дочери Волошскаго господара Еленѣ. Вообще Иоаннъ III высоко держалъ себя передъ иностранными государями. Мелкіе изъ нихъ писали ему очень почтительныя грамоты. Такъ князь Иверской земли (Грузіи) Александръ называлъ Иоанна „звѣздой христіанскаго міра, всесвѣтлымъ и грознымъ государемъ, справедливой управой всѣмъ князьямъ“ и проч.

Посмотримъ теперь, какъ измѣнилъ Иоаннъ III самую внѣшность своей столицы.

Можно сказать, что Иоаннъ III разобралъ весь Кремль Дмитрія Донскаго почти до послѣдняго камня и выстроилъ его заново въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и въ новыхъ зданіяхъ.

Но государь историческихъ національныхъ преданій, онъ далъ всѣмъ своимъ постройкамъ привычный русскому глазу видъ. Это примѣчательно особенно потому, что всѣ почти его архитекторы, какъ Аристотель Фіоравенти, Алевизъ, Маркъ Руфъ, Петръ - Антоній Фрязинъ, были иностранцы. Государь однако не позволялъ имъ строить на Москвѣ зданія по западнымъ образцамъ. Они

*) Княжна Елена вѣнчана была въ Вильнѣ священникомъ Фомою въ русской одеждѣ. Предъ вѣнчаніемъ были соблюдены всѣ русскіе обычаи: расплетаніе косы, осипаніе хмелемъ и проч.

должны были возводить строенія въ русскомъ стилѣ, примѣняясь къ древне-русскимъ деревяннымъ постройкамъ и ихъ орнаментаци, или въ византійскомъ, для чего ихъ посылали изучать каменные храмы Владиміра и другихъ городовъ.

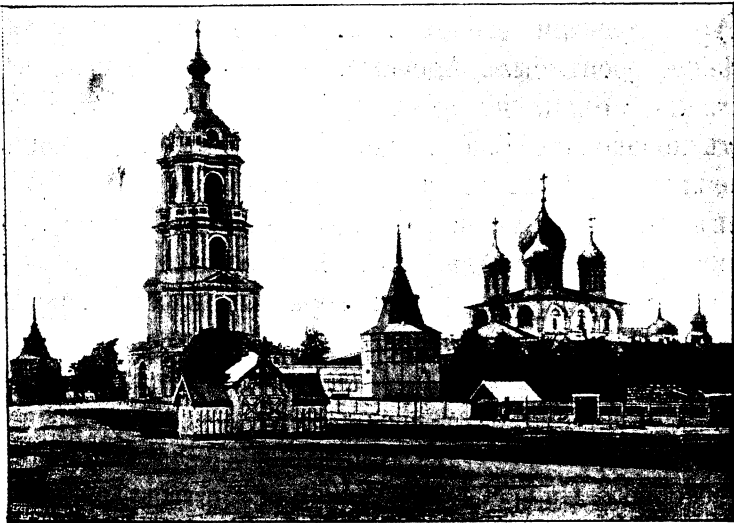
Просуществовавшій 100 лѣтъ каменный Кремль Дмитрія Донского, обветшавшій и уже тѣсный, былъ теперь срытъ, и заложены были новыя стѣны „не по старой основѣ, а града прибавиша“. Чтобы обезопасить его отъ пожаровъ, велѣно было вокругъ Кремля снести церкви и дворы, чтобы между его стѣнами и посадскими постройками оставалось полое мѣсто, застѣнье въ 110 саженой.

Петръ-Антоній Фрязинъ выстроилъ кремлевскія стрѣльницы, или башни: всего числомъ восемнадцать. Эти башни въ своемъ стилѣ и украшеніяхъ подражали древне-русскимъ деревяннымъ крѣпостнымъ башнямъ. На Спасской башнѣ сохранилась слѣдующая латинская надпись: „Іоаннъ Васильевичъ, Божією милостію, великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Тверской, Псковскій, Вятскій, Угорскій, Пермскій, Болгарскій и иныхъ и всея Россіи государь, въ лѣто тринадцатое государствованія своего, велѣлъ построить сію башню, а строилъ ее Петръ-Антоній Селярій Медиоланскій, въ лѣто воплощенія Господня 1491“.

Громадныя постройки и внутри самаго Кремля приняты были Іоанномъ III. Такъ здѣсь вновь были выстроены три главныхъ собора: Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій.

За ветхостію и тѣснотою Успенскій соборъ былъ разобранъ, въ 1472 году, до самаго основанія, при чемъ были обрѣтены мощи св. Петра митрополита. Но построенный псковскими мастерами Кривцовымъ и Мышкинымъ соборъ, возведенный до сводовъ, рухнулъ. На-

нятый въ Италіи, съ платою по 10 рублей въ мѣсяць, Аристотель Фіоравенти получилъ порученіе выстроить его снова. Но заграничный мастеръ долженъ былъ строить не по своему плану, а по образцу Успенскаго собора во Владимірѣ, куда онъ былъ отправленъ. Итальянецъ разобралъ всю стройку, при чемъ употреблялъ невиданные въ Москвѣ тараны и блоки, устроилъ кирпичный заводъ у Андроньева монастыря и, употребляя особую клеевитую известь, чрезъ четыре года выстроилъ

Новоспасскій монастырь.

новый храмъ. Въ 1479 году митрополитъ Геронтій совершилъ его освященіе. Великій князь при этомъ роздалъ бѣднымъ богатую милостыню и устроилъ большой пиръ для духовенства. Мощи, находившіяся во время стройки въ церкви „св. Ивана подъ колоколами“, перенесены были въ соборъ.

Іоаннъ III, въ память покоренія Новгорода, какъ священный трофей этого, поставилъ въ иконостасѣ Успенскаго собора принесенную оттуда икону Всемилющи-

ваго Спаса, находившуюся въ Софійскомъ соборѣ и писанную греческимъ императоромъ Мануиломъ. Въ ризницу собора въ тоже время поступили и драгоценные новгородскіе сосуды св. Антонія Римлянина. Одинъ сосудъ сдѣланъ изъ яшмы, другой изъ оникса, и оба украшены драгоценными камнями и жемчугомъ. „Бысть же та церковь“, говоритъ лѣтописецъ объ Успенскомъ соборѣ, „чудна вельми величествомъ, высотой, свѣтлостью и пространствомъ“.

Въ послѣдній годъ правленія Іоанна былъ разобранъ и Архангельскій соборъ и въ болѣе обширномъ объемѣ построенъ былъ Алевизомъ; гробы государей, числомъ 24, стояли на время въ храмѣ „св. Ивана, что подъ колоколы“. Благовѣщенскій соборъ, построенный Василиемъ I, былъ вновь перестроенъ. Онъ былъ украшенъ 9-ю главами и соединенъ сѣнями съ набережными государевыми палатами, и на мѣстѣ ханскаго подворья построена была вновь церковь Николы Лыняного. Софья Ѳомииншна выпросила это мѣсто у ханши, жены Ахмата. Эту деревянную обыденную, изъ еловаго лѣса, церковь замѣнилъ каменною Василий III и перенесъ сюда изъ села Гостуни чудотворный образъ Николая Чудотворца. На постройку женщины жертвовали ленъ и полотно, отъ чего храмъ именовался Николы „Лыняного“.

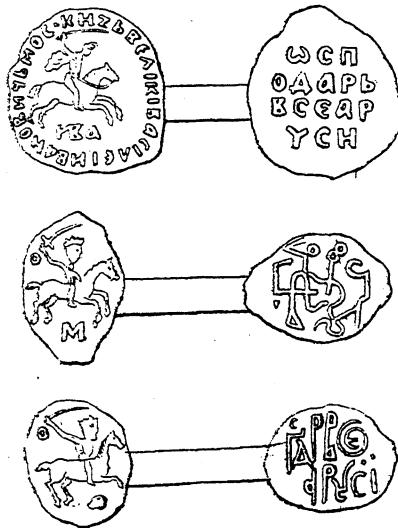
Въ Чудовомъ монастырѣ, по повелѣнію Іоанна III, была разобрана церковь Михаила Архангела, и на ея мѣстѣ была выстроена новая, которая была освящена въ 1504 году.

Монастырь у Спаса на Бору былъ перенесенъ за Таганку, въ основанный въ 1491 году Новоспасскій монастырь, съ соборомъ Преображенія Господня. Здѣсь на иконѣ изображенъ Іоаннъ III со своимъ сыномъ.

Іоаннъ III предпринялъ постройку новаго каменнаго дворца, при чемъ, какъ сказано, была разобрана до

основанія церковь Благовѣщенія на Сѣняхъ. Она была поставлена на подклѣтѣ, который былъ окруженъ палатами, для храненія государственной казны. Между этой церковью и Архангельскимъ соборомъ построена была кирпичная палата, также съ казнами и большимъ бѣлокаменнымъ погребомъ, называвшаяся впоследствии казеннымъ дворомъ.

Въ 1487 году, съ западной стороны Благовѣщенскаго собора, на великокняжескомъ дворѣ, вѣроятно, въ томъ

Монеты Иоанна III.

мѣстѣ, гдѣ былъ набережный златоверхій теремъ при Димитріи Донскомъ, Фрязинъ Маркъ Руфъ заложилъ каменную палату. Въ 1491 году тутъ же Руфъ съ Петромъ-Антоніемъ выстроили на соборной площади большую палату, извѣстную подъ именемъ Грановитой (стѣны ея граненыя).

Подражая государю, митрополитъ, нѣкоторые бояре и богатые люди построили себѣ также каменные дома, какъ, напримѣръ, бояринъ Василій Образецъ, купецъ Тараканъ и другіе.

Іоаннъ III не мало заботился и о развитіи промышленности. При немъ мы начали разрабатывать за Ураломъ, въ Сибири, и въ Печерскомъ краѣ, серебро и стали чеканить монету изъ своего русскаго металла. Прощѣтала въ Москвѣ выдѣлка изъ золота и серебра сосудовъ, чаръ, братинъ и т. п. Особенно былъ искусень золотыхъ дѣлъ мастеръ, по имени Трифонъ. Наши работы этого рода славились на всемъ Востоку. Продолжала также развиваться и чеканка монеты.

При Іоаннѣ III много иностранцевъ—техниковъ разнаго рода, пріѣзжало въ Москву; и въ свою очередь и русскіе отправлялись въ чужія земли, какъ на западъ, такъ и на востокъ. Въ это время русскій купецъ Аѳанасій Никитинъ проникъ въ Индію ранѣе, чѣмъ открылъ ее Васко-де-Гама, и мы имѣли описаніе этой страны ранѣе, чѣмъ народы Запада.

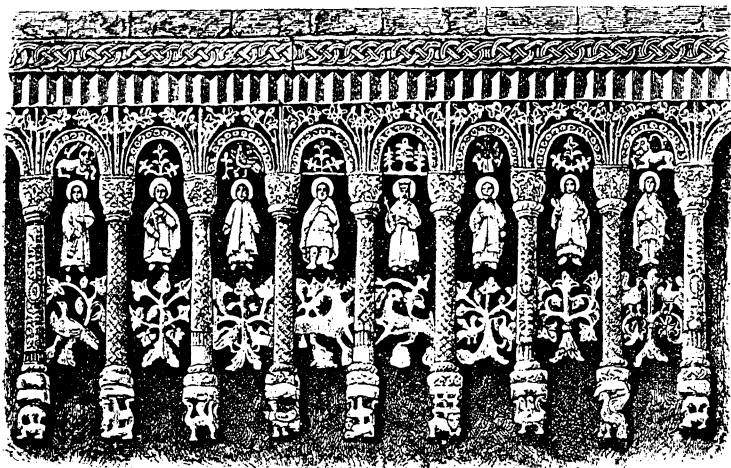
Іоаннъ III былъ высокаго роста и худощавъ; онъ имѣлъ особенно, когда „воспалался гнѣвомъ“, грозный взглядъ. Женщины при видѣ великаго князя нерѣдко падали въ обморокъ. На 6-й страницѣ воспроизведенъ портретъ этого великаго князя со старинной гравюры, находящейся среди „портретовъ Русскихъ государей“ Ровинскаго.

Въ послѣдніе годы Иванъ Васильевичъ „сталъ приходить въ изнеможеніе“ и скончался, 26-го октября 1505 года, 66 лѣтъ отъ роду. Передъ смертью онъ собралъ дѣтей своихъ и бояръ и приказалъ громко читать свое духовное завѣщаніе. Въ немъ старшему сыну своему Василию государь назначилъ большую часть земель, болѣе трехъ четвертей всѣхъ городовъ, остальная же четверть дѣлится между другими четырьмя сыновьями. Власть этихъ послѣднихъ совершенно иного свойства, чѣмъ власть старшаго: они получаютъ значеніе простыхъ крупныхъ вотчинниковъ-землевладѣльцевъ, не имѣютъ права чеканить монету и сносятся съ иностранными государями. Поэтому,

въ силу завѣщанія отца, власть Василя Ш отличается не только количествомъ, но и качествомъ: онъ государь, а они землевладѣльцы. Иоаннъ Ш смотрѣлъ на Русскую землю не только какъ на свою отчину и дѣдину, но и какъ на государство. Принявъ таинство причащенія и соборованіе, онъ, однако, отказался отъ обычнаго тогда иноческаго постриженія и пожелалъ умереть государемъ, а не монахомъ. Его погребли въ только-что строившемся Архангельскомъ соборѣ. Надгробная надпись гласитъ: „въ лѣто 7013—1505 преставися благовѣрный и христоролюбивый князь великій Иванъ Ш Васильевичъ всея Россіи“. Иоаннъ заслуживаетъ наименованіе—великаго, а Карамзинъ въ своей „Запискѣ о Древней и Новой Россіи“ отдаетъ ему предпочтеніе передъ Петромъ I за то, что онъ, возвысивши могущество Россіи и заводя сношенія съ Западомъ, не нарушалъ ея историческаго національнаго строя.

Изображенія на воротахъ Новгородской Софіи.

III.

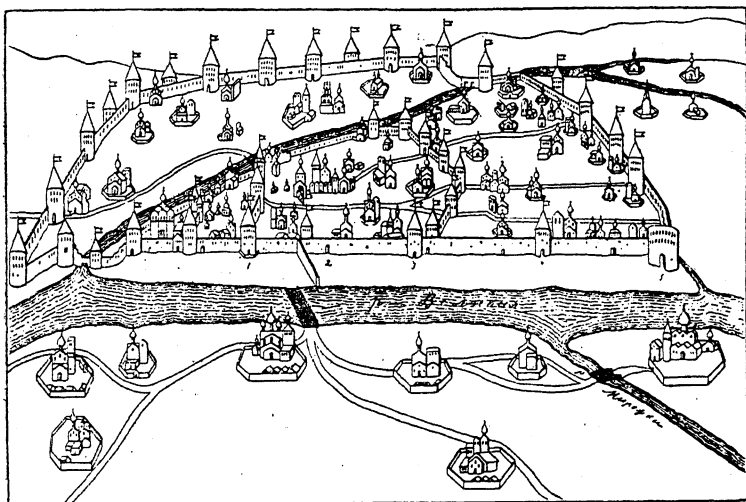
Василій Ш продолжалъ и развивалъ политику своего отца какъ въ дѣлахъ внутреннихъ, такъ и въ дѣлахъ внѣшнихъ (1505—1533).

Присоединивъ къ Москвѣ вѣчевой Псковъ и удѣльные Рязань и Новгородъ Сѣверскій, онъ завершилъ борьбу съ удѣльной системой и окончательно установилъ въ сѣверо-восточной Руси единодержавіе. Разсмотримъ это подробнѣе.

Псковъ, младшій братъ Новгорода, сохранилъ свое вѣче при Иоаннѣ Ш своею покорностію, и, конечно, только до поры до времени. Но, въ силу требованій исторіи, отдавшей единую и неограниченную власть государю всея Руси, неминуемо долженъ былъ разстаться со своимъ народоправствомъ и Псковъ. Случилось это не тотчасъ послѣ паденія новгородскаго вѣча потому только, что московскіе государи не любили дѣлать ничего вдругъ и круто.

Назначенный при Василии Ш во Псковъ намѣстникомъ, князь Рѣшня-Оболенскій судилъ и распоряжался

тамъ въ духѣ своего времени, безъ воли вѣча. Непонимавшіе тогдашнихъ условій исторической жизни псковичи, будучи крайне имъ недовольны, думали своими жалобами ссадить съ намѣстничества князя Оболенскаго. Въ концѣ 1509 года Василій Ш поѣхалъ съ большимъ отрядомъ изъ дѣтей боярскихъ въ Новгородъ, очевидно, съ намѣреніемъ заняться дѣлами Пскова. Псковичи громадными массами двинулись въ Новгородъ съ жалобами на намѣстника. Именемъ государя московскіе бояре го-

Планъ Пскова, съ древней иконы.

ворили имъ: „копитесь, копитеь, жалобные люди, придетъ Крещеніе Господне,—вотъ тогда всѣмъ государь дастъ управу“. Въ названный праздникъ всѣмъ было велѣно быть на крещенскомъ водоосвященіи, на которомъ присутствовалъ самъ государь. По окончаніи обряда бояре крикнули: „псковскіе посадники, бояре и всѣ псковичи—жалобные люди! Велѣлъ вамъ государь обратиться на владычный дворъ“. Большіе люди были введены въ архіерейскую палату, а меньшіе были оставлены на дворѣ; но ворота его дома были заперты и

всѣмъ было объявлено: „пойманы есте Богомъ и великимъ государемъ всея Руси“. Всѣхъ собранныхъ на дворѣ дьяки переписали, и они были розданы на житье и береженье новгородскимъ домовладѣльцамъ, а въ палату къ лучшимъ людямъ вошли бояре съ дьяками и объявили, что, когда они бьютъ челомъ на намѣстника, другіе псковичи бьютъ челомъ на посадниковъ, бояръ и земскихъ людей и жалуются, что отъ нихъ людямъ нѣтъ никакой управы. Поэтому слѣдовало бы наложить на нихъ великую опалу, но государь хочетъ показать имъ милость и жалованье, если они сотворятъ государеву волю: „снять прочь вѣчевой колоколь и болѣе не быть вѣчамъ во Псковѣ, а быть тамъ и по пригородамъ и держать судъ государевымъ намѣстникамъ. Если же вы не учините государевой воли, то государь будетъ свое дѣло дѣлать, какъ ему Богъ поможетъ, а кровь христіанская взыщется на тѣхъ, кто презрять государево жалованье и не сотворятъ государеву волю“.

Одинъ купецъ, ѣхавшій въ Новгородъ, узнавъ о происшедшемъ, бросилъ свои товары на дорогѣ и, прискакавъ въ Псковъ, кричалъ по улицамъ: „великій князь нашихъ переловилъ въ Новгородѣ“. Зазвонили на вѣче. Смѣльчаки кричали: „ставьте щитъ противъ государя. Запремте городъ“. Но благоразумные пошли противъ этого. Среди суматохи вѣчевой пріѣхалъ изъ Новгорода посланный отъ самихъ псковичей съ предупрежденіемъ не доводить до кровопролитія. Восторжествовали благоразумные и отправили гонца сказать: „мы не противны тебѣ, государь; Богъ воленъ и ты, государь, надъ нами, своими людишками“.

12 января пріѣхалъ во Псковъ дьякъ Третьякъ-Далматовъ, вошелъ на ступени вѣчевого помоста и объявилъ, что государь велитъ снять вѣчевой колоколь, а иначе—у него наготовѣ много силы,—станется крово-

пролитіе надъ тѣми, кто не сотворить воли государевой. Въ ожиданіи отвѣта дьякъ сѣлъ на вѣчевой ступени. Псковичи обѣщали отвѣтъ на завтра и всю ночь проплакали.

На другой день, на послѣднемъ вѣчѣ, посадникъ отъ имени Пскова объявилъ Третьяку-Далматову: „у насъ въ лѣтописяхъ записано такое крестное цѣлованіе съ прародителями великаго князя. Псковичамъ отъ государя, который будетъ на Москвѣ, не отходить ни къ Литвѣ, ни къ Польшѣ, ни къ нѣмцамъ, никуда, а иначе будетъ на насъ гнѣвъ Божій, и гладь, и моръ, и огонь.

Печать Псковская.

и потопъ, и нашествіе невѣрныхъ; а если государь не станетъ хранить крестнаго цѣлованія, то и на него тотъ же обѣтъ, что на насъ. Теперь Богъ и государь вольны надъ Псковомъ и надъ нашимъ колоколомъ; мы не измѣнили крестному цѣлованію“. Далматовъ велѣлъ спустить вѣчевой колоколь, и его отвезли къ государю. Псковичи плакали, но были безсильны слезами воротить отжитое прошлое.

Лѣтописецъ псковскій видитъ въ совершившемся наказаніе за грѣхи псковитянь: за злые поклѣпы, лихія дѣла, за ссоры, неразумное кричанье на вѣчахъ, когда голова не вѣдала, что языкъ говорилъ: „своего дома управить не умѣемъ, говоритъ лѣтописецъ, а городомъ владѣть

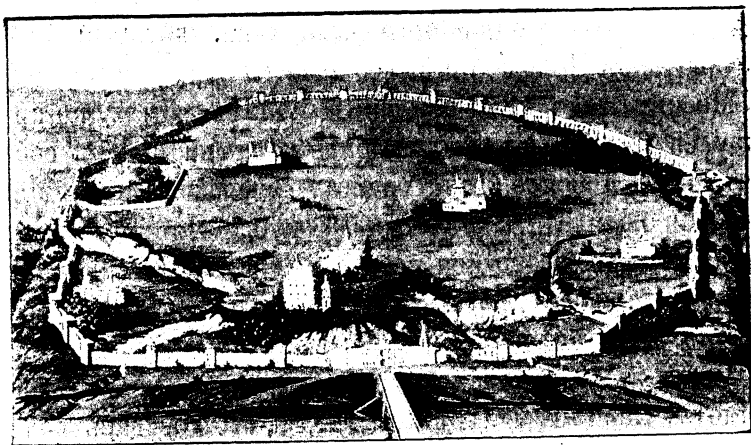
хотимъ. Отъ самоволія и несогласія другъ съ другомъ и были на насъ всѣ эти бѣды“.

Рязань повиновалась Москвѣ еще при Юаннѣ Ш, но, когда стало извѣстно, что ея князь Иванъ Ивановичъ завелъ сношенія съ крымскимъ ханомъ Магметъ - Гиремъ и хочетъ жениться на его дочери, онъ былъ позванъ въ Москву и здѣсь посаженъ подь стражу, а его удѣлъ былъ присоединенъ къ Москвѣ.

Послѣднимъ удѣльнымъ княземъ Сѣверо - восточной Руси былъ Новгородъ-Сѣверскій владѣтель Василій Шемачичъ. Его обвинили въ сношеніяхъ съ Литвою, и онъ, позванный въ Москву, былъ тоже заключенъ подь стражу, а его удѣлъ въ 1523 году былъ присоединенъ къ землямъ московскаго единодержца. Выражая мысль народную, одинъ юродивый ходилъ въ это время по Москвѣ по улицамъ и говорилъ: „пора очистить московское государство отъ послѣдняго сора“.

Чрезвычайно характеристичны отношенія Василя Ш къ польско-литовскому королевству: онъ держался возрѣнія своего отца, что королевская вотчина—только польско-литовскія земли, а западно-русскія земли—извѣчная вотчина государей всея Руси. Послѣ смерти своего зятя Александра Литовскаго онъ писалъ его вдовѣ, сестрѣ своей Еленѣ, не выберуть ли его на освободившійся престолъ Польши и Литвы, но, когда избраніе пало на Сигизмунда I, у насъ была постоянная вражда съ литовско-польскимъ государствомъ. Василій Ш принялъ къ себѣ на службу отъ Литвы могущественнаго западно - русскаго князя Михаила Глинскаго. Король польскій требовалъ или его выдачи, или казни. Но это требованіе было отвергнуто, и началась война. Великій князь съ 100-тысячнымъ войскомъ предпринималъ походы на Бѣлую Русь и велъ дипломатическія сношенія съ императоромъ германскимъ и даже заклю-

чилъ съ нимъ первый въ исторіи договоръ о раздѣлѣ Польши. Основаніемъ этого договора, предвѣстника раздѣловъ ея при императрицѣ Екваторинѣ II, была уступка австрійскому двору прусскихъ владѣній Польши, а Россіи Кіева и другихъ западно-русскихъ владѣній. Договоръ этотъ не былъ осуществленъ, но Василій III осадилъ Смоленскъ и взялъ это, какъ выражался Борисъ Годуновъ, „ожерелье Руси“. Владыка Варсонофій съ народомъ смоленскимъ, явившись въ московскій станъ, просилъ

Смоленскъ, его стѣны и храмы.

государя принять подъ свою руку отчину свою съ тихостью. Богато жаловаль шубами, бархатомъ и серебряными ковшами смольнянъ великій князь. Но когда послѣ пораженія русскихъ подъ Оршей княземъ Константиномъ Острожскимъ, въ окруженномъ поляками Смоленскѣ, открылись измѣнническія сношенія съ врагами, воевода московскій князь Василій Шуйскій повѣсилъ измѣнниковъ на зубцахъ стѣнъ въ государевыхъ шубахъ и съ пожалованными ковшами на шеяхъ. Въ память завоеванія Смоленска Василій III построилъ въ Москвѣ Новодѣвичій монастырь. Императоръ германскій Максимилианъ пере-

сталъ поддерживать Василія III противъ Польши: ибо въ Австріи рѣшили, что нехорошо будетъ, если польскій король унижится, а московскій государь возвысится. Василій Іоанновичъ въ отношеніи къ западно-русскимъ землямъ держался того правила, которое провозгласилъ его отецъ: „не то одна наша вотчина, кои города и волости нынѣ за нами, а вся Русская земля изъ старины, отъ нашихъ предковъ пошла“.

Отношенія къ татарамъ велись въ духѣ Іоанна III. Казань то находилась въ зависимости отъ Москвы, то подпадала подъ вліяніе крымскаго хана, который былъ въ союзѣ съ Польшей и даже однажды напалъ врасплохъ на Москву, такъ что Василій III долженъ былъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, уйти на сѣверъ собирать рати, а бояре дали грамоту крымскому хану Магметъ-Гирею платить ежегодную дань. Но когда ханъ требовалъ отъ рязанскаго воеводы Хабары-Симскаго сдачи и ссымался на эту грамоту, то воевода попросилъ себѣ ее для удостовѣренія. Получивъ ее, онъ приказалъ стрѣлять въ татаръ изъ пушекъ, и они, не получивъ грамоты, ушли назадъ въ Крымъ. За это государь пожаловалъ Хабару въ бояре и объ его дѣяніи повелѣлъ записать въ государственную лѣтопись.

Сынъ царевны Софіи Палеологъ, онъ былъ не только послѣднимъ собирателемъ удѣловъ Сѣверо-восточной Руси (вѣчевого Пскова, Рязани и Новгорода-Сѣверскаго) и борцомъ за воссоединеніе Западно-русскихъ княжествъ (Смоленска и другихъ), но и, будучи единодержцемъ,—во всемъ и въ отношеніяхъ къ боярамъ, духовенству—и въ самой придворной обстановкѣ, являлся болѣе царемъ, чѣмъ его отецъ. Его чаще называютъ царемъ, и онъ самъ именуется себя уже Самодержцемъ. Царское титуло его уже выбивается на монетахъ, рядомъ съ наименованіемъ государя всея Руси. Иностранцы

послы удивляются величію и власти Русскаго государя и силѣ Россіи. Соотвѣтственно этому растетъ у насъ чувство собственнаго достоинства, и развивается сознание того, что нашему отечеству предлежитъ указанное выше важное всемірно-историческое призваніе. Русскіе люди съ особымъ сочувствіемъ читали въ это время въ повѣсти о взятіи Цареграда: „свершится пророчество, свершатся предзнаменованія: Русскій родъ, предызбранный отъ Бога, возьметъ седмихолмный Цареградъ и воцарится въ немъ“. „Солнце евангельское,—пишетъ Іосифъ Волоцкой въ своемъ „Просвѣтителѣ“,—освѣщаетъ нашу землю, громъ апостольскій оглашаетъ насъ. Устроились божественныя церкви, составились честные монастыри, святители и преподобные чудотворцы наши взлетѣли, какъ бы на золотыхъ крыльяхъ, на небеса“. Власть государя Божіей Милостью въ глазахъ народа все болѣе получаетъ священное значеніе, и русскіе люди говорятъ уже: „такъ угодно Богу и государю“. Когда нѣмецъ-посоль императора Священной Римской имперіи, Герберштейнъ, не понимавшій духа нашего народа и смотрѣвшій на Россію западными глазами, позволилъ себѣ высказать одному старику, служилому человѣку, что его усердіе къ службѣ государевой—раболѣпно, этотъ москвичъ сказалъ: „нѣтъ, господинъ баронъ, не по-вашему мы служимъ своимъ государямъ“.

При Василии III были, конечно, недовольные его мощною и грозною властью, недовольны были псковичи, потерявшіе свое вѣче, недовольны были и нѣкоторые бояре, роптавшіе, что государь не спрашиваетъ совѣтовъ думы боярской и не терпитъ противорѣчій себѣ. Бояре приписывали это греческому вліянію царевны Софіи, противъ которой возстановляли еще отца государева Іоанна III. Но съ этимъ вліяніемъ соединялся внутренній самобытный ростъ власти Государя всея Руси, и

не на сторонѣ недовольныхъ были русскій городъ и его исторія.

Идея святой и царской Руси продолжала воплощаться въ самой внѣшности Москвы, окончательно преобразовывая ее изъ княжескаго стольнаго города въ царствующій православный градъ всея Россіи и всего православнаго Востока.

Покойный государь императоръ Александръ Александровичъ, смотря на Москву съ высоты Кремля, сказалъ, „что наша первопрестольная столица—это храмъ всея Руси, а Кремль—алтарь этого храма“. Но такое обраще-

Василій III. По В. В. Верещагину.

ніе срединнаго града нашего въ величавый домъ Божій совершилось не вдругъ, а вѣками. И храмовая исторія правленія Василя Ивановича много способствовала дальнѣйшему умноженію въ ней числа церквей, дошедшаго впослѣдствіи до сорока сороковъ и сдѣлавшаго ее столицей восточнаго православія.

При Василю III кипѣла работа въ кремлевскихъ со-

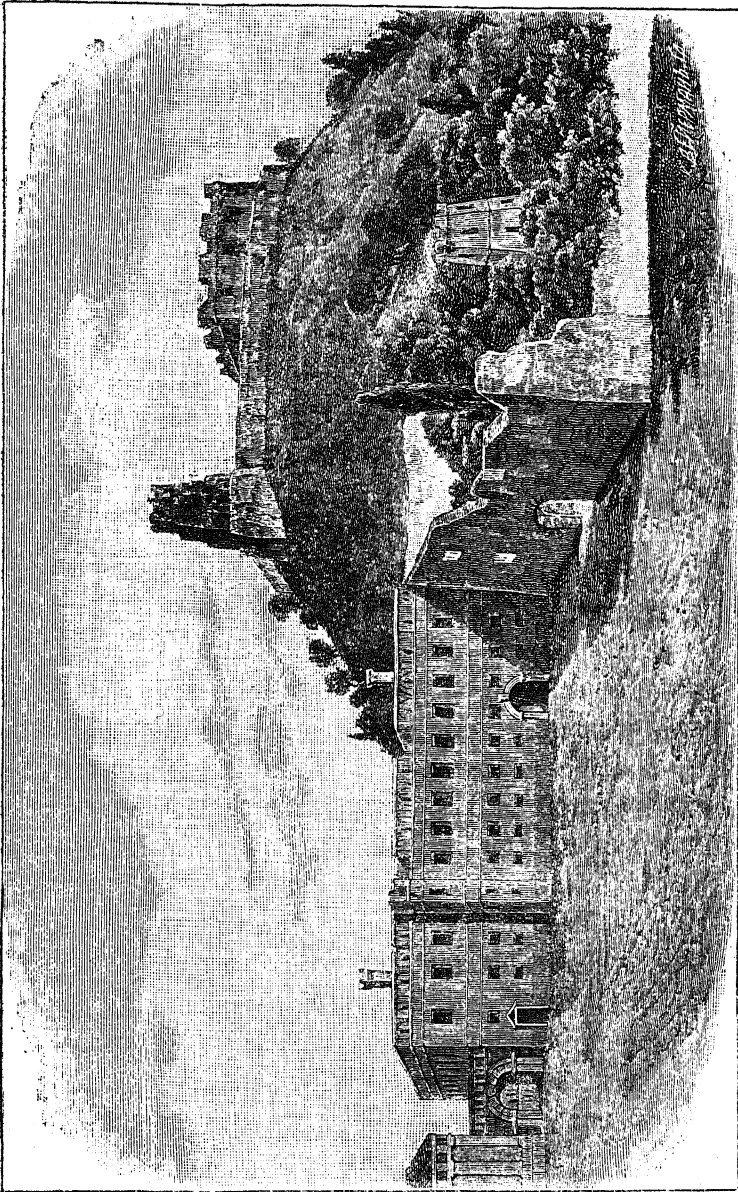
борахъ, и строились храмы внѣ Кремля. Въ годъ своей смерти Іоаннъ III, посѣтивъ усыпальницу своихъ предковъ—Архангельскій соборъ, нашель его слишкомъ тѣснымъ и приказаль разобрать его до основанія, какъ вы знаете, и заложилъ новый, болѣе обширный соборъ. Два года строилъ его Алевизъ Фрязинъ. Въ 1507 году онъ былъ оконченъ и расписанъ русскими живописцами. Освященіе происходило 8 мая 1509 года. Священнодѣйствіе совершаль митрополить Даниль, въ присутствіи великаго князя, его семьи и двора. Не съ этого ли правленія начали ставить въ Архангельскомъ соборѣ портретныя изображенія похороненныхъ здѣсь государей? Между ними въ послѣдствіи былъ поставленъ и портретъ самого Василія III, въ иноческомъ одѣяніи, которое онъ принялъ предъ смертью, подъ именемъ Варлаама. Въ большомъ Успенскомъ соборѣ происходило, какъ говорятъ лѣтописи, „велѣтельное украшеніе“ стѣнною живописью, оконченное въ 1514 году, и первопрестольный соборъ Россіи принялъ тотъ видъ, который онъ, при всѣхъ перестройкахъ, сохраняетъ и донынѣ.

Тогдашнее „величество“ Успенскаго собора соответствовало его новому значенію. Онъ уже былъ въ то время не только церковной кафедрой и усыпальницей первосвятителей всея Руси, но и храмомъ „посаженія на престолъ и вѣнчанія государей“ и вмѣстѣ символомъ единства Россіи, единодержавства Москвы и церковною лѣтописью ея политической исторіи. Въ знакъ того, что сюда, въ Московскій Кремль, тянули все области Руси, наши государи, по мѣрѣ присоединенія къ обще-русскому средоточію удѣльныхъ княжествъ, переносили изъ нихъ главныя святыни и помѣщали ихъ въ соборѣ всея Руси, въ храмѣ Пречистыя. Тутъ собраны были наиболѣе чтимыя иконы удѣльныхъ княжествъ—Владимира Залѣскаго, Новгородца Великаго, Пскова, Смоленска и другихъ. Каж-

дый государь, жертвуй сюда икону, изображавшую его ангела, какъ бы записывалъ свое правленіе на эту церковную скрижаль нашей исторической жизни. Каждое важное событіе увѣковѣчилось здѣсь или новою иконою, или церковными сосудами, или евангеліемъ, или хоругвию, или дорогимъ облаченіемъ для священнослужителей.

Митрополитъ Филаретъ говоритъ: „глубокая была мысль соединить въ одномъ святилищѣ мѣстную святыню удѣльныхъ княжествъ: жители ихъ, разставаясь со своимъ завѣтнымъ сокровищемъ, невольно привязывались къ мѣсту его будущаго храненія; сердце ихъ какъ бы отходило туда за иконою, а родовое къ ней усердіе служило лучшимъ залогомъ вѣрности. Такъ изъ Владиміра, Новгорода, Пскова, Устюга, Смоленска собрался иконостасъ Успенскаго собора!“ Что этотъ первопрестольный храмъ всея Руси служилъ залогомъ ея единодержавія,—свидѣтельствовалъ и слѣдующій обычай, существовавшій у насъ до Петра I. Вечеромъ, часовъ въ 8 или 9, когда запирались кремлевскія ворота, сторожевые стрѣльцы перекликались между собою. Близъ Успенскаго собора часовой начиналъ громко и протяжно, нараспѣвъ, возглашать: „Пресвятая Богородица, спаси насъ“. Другой продолжалъ: „Св. Московскіе чудотворцы, молитесь Бога о насъ“. Послѣ молитвенныхъ возгласовъ, другіе часовые перекликаются слѣдующимъ характернымъ образомъ: „Славень городъ Москва“; другой отвѣчалъ: „Славень городъ Бѣвъ“; третій—Владиміръ и т. д., пока не будутъ перечтены важнѣйшіе города Московскаго государства.

Не обойденъ былъ державнымъ храмоздателемъ и украшителемъ и придворный Благовѣщенскій соборъ, вновь перестроенный въ это время. „Василій Ивановичъ, по словамъ лѣтописца, повелѣлъ подписать Благовѣщеніе на своемъ дворѣ златомъ, иконы всѣ велѣлъ обложить серебромъ и златомъ, верхъ церковный позлатити“. Пове-

Развалины дворца Лигонских князей в Вильне.

лѣніе государево было исполнено русскимъ мастеромъ Федоромъ Еникѣевымъ съ братіей. Примѣчательно, что здѣсь на паперти вмѣстѣ со святыми были изображены древне-греческіе мудрецы: Аристотель, Зенонъ, Плутархъ, Фуксидидъ, Менаандръ и другіе. Мастеръ Бонъ Фрязинъ окончилъ церковь Іоанна „подъ колоколы“, а мастеръ Николай слилъ колоколь „большой благовѣстникъ“ въ тысячу пудовъ; помѣщенъ онъ былъ на особой „деревянной колокольніцѣ“.

И внѣ Кремля храмоздательство государя оставило не мало памятниковъ. Самолично завоевавъ Смоленскъ у поляковъ, Василій III, въ память возвращенія этого „ожерелья Россіи“, воздвигъ, какъ уже упомянуто, на берегу Москвы-рѣки, въ виду Воробьевыхъ горъ, Ново-дѣвичій монастырь, въ 1525 году. Василій III перестроилъ Петровскій монастырь въ Высокой слободѣ. Лѣтопись говоритъ, что онъ „повелѣ заложити и дѣлати церкви каменные и кирпичныя на Москвѣ, на большомъ посадѣ за торгомъ (внѣ Китая города).“

Великій князь достроилъ заложенный при Іоаннѣ III дворецъ, украсилъ его и поселился въ немъ, 7 мая 1508 года. По объясненію И. Е. Забѣлина, между Грановитой палатой и Благовѣщенскимъ соборомъ находилась средняя палата, къ коей примыкало Красное крыльцо. Далѣе шла столовая палата, съ особою лѣстницей на Спасовъ дворъ. Постельныя или жилыя хоромы и княгинина половина примыкали къ церкви Рождества Богородицы и были на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь теремной дворецъ. Ровъ, шедшій вокругъ кремлевскихъ стѣнъ, государь приказалъ Алѣвизу Фрязину обложить камнемъ и кирпичомъ и выкопать при впаденіи Неглинной въ Москву-рѣку, за Боровицкими воротами, прудъ, названный Лебединымъ, потому что на немъ плавали лебеди. Здѣсь была построена каменная мельница, и вода

изъ пруда проводилась во рвы вокругъ стѣнъ. У каждаго воротъ перекинута были мосты, носившіе имена соответствующихъ башенъ. Вообще Кремль, со всѣхъ сторонъ опоясанный водой, въ то время выглядѣлъ красивѣе, чѣмъ теперь.

Съ этого княженія начинается особое почитаніе Фроловскихъ, или Спасскихъ, воротъ. Это было въ нашествіе на Москву татаръ въ 1521 году. По свидѣтельству стольника Лызлова, занесенному въ Минею, слѣпая инокиня Вознесенскаго монастыря имѣла во время этого нашествія видѣніе: при колокольномъ звонѣ, изъ Кремля, черезъ Фроловскія ворота вышли почивающіе въ соборахъ святители, неся икону Владимірской Божіей Матери. Навстрѣчу имъ (изъ Китай-города) вышли Сергій Радонежскій и Варлаамъ Хутынский и спросили святителей, куда они идутъ? Тѣ отвѣтили, что Господь повелѣлъ имъ уйти изъ града сего, потому что люди презрѣли страхъ Божій и о заповѣдяхъ вознерадѣли, за это Онъ предастъ Русскую землю иноплеменикамъ. Преподобные стали просить святителей помолиться милосердному Богу о прощеніи грѣшныхъ москвичей. Святители вняли ихъ просьбѣ, вознесли вмѣстѣ съ ними молитвы Всевышнему и потомъ воротились назадъ въ Кремль въ свои гробницы. Въ предвратной иконѣ Фроловскихъ воротъ изображены святыя въ молитвенномъ положеніи у ногъ Спасителя. Съ этого времени, какъ полагаютъ, и начинается то почитаніе Спасскихъ воротъ, въ силу коего всѣ проходящіе черезъ нихъ обязаны снимать свои шапки. Но это могло условливаться еще и тѣмъ, что Фроловскія ворота вообще были святыми, какъ ведшія къ главнымъ соборамъ и къ государеву дворцу.

Василій III мыслилъ ставить градъ (крѣпостныя стѣны) вокругъ большого посада (впослѣдствіи Китай-города), но не успѣлъ осуществить этого. Москва въ это время росла въ своемъ объемѣ и числѣ жителей. Послѣ уничто-

женія вѣча въ Псковѣ, оттуда было переселено въ Москву 300 семействъ, кои были водворены на Варваркѣ, близъ церкви Георгія Великомученика, и эта мѣстность стала называться Псковской горой. По современнымъ свидѣтельствамъ, всѣхъ дворовъ въ Москвѣ было 41,500, а жителей болѣе 100 тысячъ. Улицы при Василии Ш на ночь запирались рогатками. Выходить на улицу дозво-

Нѣмецкій посолъ въ жалованной государемъ шубѣ.

лялось только по крайней необходимости и то съ фонаремъ.

Москва въ это правленіе продолжала развиваться и въ другихъ различныхъ отношеніяхъ: и въ сферѣ техники, и въ сферѣ образованія, и въ самомъ быту своемъ. Особенно процвѣтала живопись, находившаяся въ рукахъ чисто русскихъ мастеровъ, тогда какъ зодчествомъ владѣли иностранцы. Объ успѣхахъ живописнаго искусства въ Москвѣ свидѣлствуетъ недавно очищенная отъ позднѣйшихъ наслоеній примѣчательная стѣнопись Благовѣщенскаго собора. Въ это время впервые упоми-

нается производившаяся въ Москвѣ реставрація или возстановленіе древнѣйшихъ иконъ, коей занимался митрополитъ Варлаамъ, самъ не чуждый иконописанія. Такъ въ Успенскомъ соборѣ реставрированъ былъ знаменитый образъ Владимірской Божіей Матери, писанный евангелистомъ Лукою, и на него, по повелѣнію великаго князя, сдѣланъ былъ новый кіотъ, украшенный московскими золотыхъ дѣлъ мастерами. Даже древнія, но обветшавшія иконы Владиміра Залѣскаго поновлялись въ Москвѣ, при чемъ названный митрополитъ принималъ въ этомъ участіе собственноручною работою. Какъ мы сказали, въ это время архитектура находилась въ рукахъ иностранцевъ, но они, какъ и равьше, должны были строить въ русскомъ и византійскомъ стиляхъ, а совсѣмъ не въ западныхъ. Чеканка монеты, какъ и серебрянсе дѣло, велась попрежнему; но съ порохомъ вышла бѣда: на Успенскомъ врагѣ, на дворѣ, гдѣ приготавлиали зелье (порохъ) въ 1531 году произошелъ взрывъ и пожаръ, отъ чего погибло 200 рабочихъ.

Образованность въ Москвѣ развивалась въ прежнемъ церковномъ направленіи. Въ это время продолжали писать Іосифъ Волоцкой, Вассіанъ Патрикѣевъ и попрежнему велись лѣтописи. Искусство письма и украшенія его орнаментами и миниатюрами дѣлало новые успѣхи. Но въ это время не мало появляется русскихъ, особенно служившихъ въ посольскомъ приказѣ, знающихъ латинскій и другіе иностранные языки. Кромѣ того, въ Москву вызывается ученый аѳонскій инокъ Максимъ-грекъ, учившійся въ Италіи и Франціи и стоявшій на высотѣ образованія эпохи возрожденія наукъ и искусствъ. Онъ писалъ противъ жидовствующихъ, противъ папизма или собственно противъ нѣмчина Николая, который былъ придворнымъ врачомъ и дѣлалъ попытки латинской про-

паганды, противъ ереси лютеровой и армянскаго зловѣрья и проч.

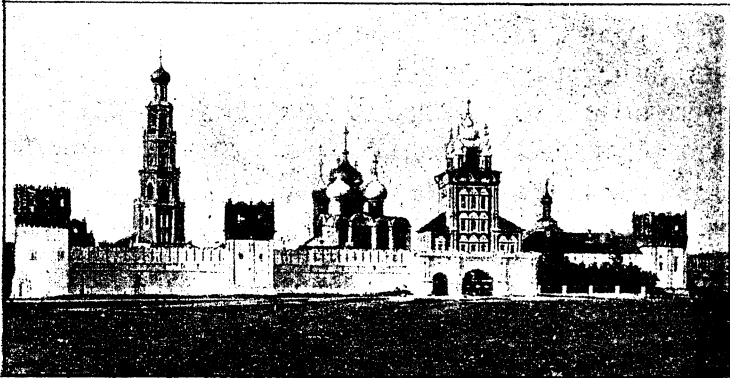
Успѣхи въ культурѣ Москвы замѣтны и въ развитіи ея торговли. Иностранцы вывозили отсюда дорогіе мѣха, кожи, воскъ, лѣсъ и другіе продукты. Количество денегъ въ Москвѣ увеличилось. Московскіе купцы въ это время стали ѣздить, вмѣсто Казанской ярмарки, на Макарьевскую, возникшую, по распоряженію Василія III, въ Нижегородской области, близъ монастыря св. Макарія.

Самый бытъ московскій совершенствовался, въ особенности въ придворной жизни. Въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напр., при выходахъ въ соборы, при приѣмахъ пословъ, государь являлся во всемъ блескѣ царской обстановки, окруженный большой свитой. Около него находились рынды, красивые молодые бояре въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, опушенныхъ дорогимъ сободемъ.

Иностраннымъ посламъ внушали уваженіе къ величію государя и Россіи. Какъ видно изъ описанія Москвы германскаго посла барона Герберштейна, наши служилые люди не хотѣли прежде него снять шапку или сойти съ коня, чтобы не сдѣлать и этимъ порухи для чести государевой. На тѣ улицы, по коимъ проѣзжалъ посолье, а особенно въ Кремль, скликался народъ, чтобы иностранецъ могъ видѣть, какъ многолюдна наша столица. Посла окружали приставники такъ, чтобы онъ самъ ничего не могъ вызнать и высмотрѣть.

Приѣмы пословъ въ Грановитой палатѣ происходили при самой внушительной и роскошной обстановкѣ. Послѣ одного такого приѣма германское посольство получило приглашеніе къ обѣду. Когда иностранцевъ ввели въ обѣденную залу, государь и бояре, въ богатыхъ золотыхъ

одѣянiяхъ, уже сидѣли за столами, которые были разставлены вокругъ залы; посрединѣ находилась горка, обремененная золотыми и серебряными чашами и кубками искусной работы. Великiй князь сидѣлъ за особымъ столомъ; ближе къ нему помѣщались его братья, за ними слѣдовали бояре и другiе придворные, по степени своей знатности и милости государевой. Предъ началомъ обѣда государь, если хотѣлъ кому оказать почетъ, посылалъ хлѣбъ, а еще почетнѣй была посылка отъ него соли.

Новодѣвичiй монастырь.

Посылались также блюда съ кушаньями, при чемъ надобно было вставать и кланяться государю и на всѣ стороны. Первымъ блюдомъ подавались жареные лебеди и журавли; приправою служили сметана, моченныя груши и солѣные огурцы. Вначалѣ подавали водку, а потомъ мальвазію, другія греческія вина и русскіе меды. Слуги, разносившіе кушанья и напитки, были одѣты въ изящныя терлики, украшенные жемчугомъ и дорогими каменьями, чего не бывало въ прежнія княженія. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. Таково было русское хлѣбосольство въ Москвѣ.

Василій III много заботился и о войскѣ. При немъ оно простиралось до 150,000. Каждые два года производилась перепись ратныхъ людей. Онъ первый завелъ у себя конную артиллерію. Отъ его времени осталось въ Кремлѣ нѣсколько конныхъ пушекъ, вылитыхъ итальянскими мастерами.

Великій князь любилъ тѣшиться охотою на мокрую, или водяную, и верховую птицу съ соколами и кречетами, и псовую—на зайцевъ и другую дичь. Нѣмецкіе послы были приглашены на заячью охоту, которая происходила близъ Москвы, на одной, покрытой кустарникомъ, заповѣдной полянѣ, гдѣ въ изобиліи водились зайцы. Сюда, кромѣ того, приносили еще зайцевъ и во время охоты выпускали ихъ изъ мѣшковъ. Великій князь сидѣлъ на богато убранномъ аргмакѣ; голова его была покрыта шапкой, съ поднятыми на лбу и на затылкѣ козырьками, на которыхъ качались золотыя пластинки наподобіе перьевъ; на немъ былъ родъ терлика, вышитаго золотомъ; на поясѣ висѣли кинжалъ и два ножа, а сзади изукрашенная золотомъ палица, въ родѣ кистеня. Справа ѣхалъ бывшій казанскій царь Шигъ-Алей съ колчаномъ и налучникомъ за плечами, а сбоку два молодые князя, изъ которыхъ одинъ держалъ сѣкиру съ рукоятію изъ слоновой кости, а другой—булаву или шестоперъ. Всадниковъ было до трехъ-сотъ. Сперва спустилъ свою собаку Шигъ-Алей, а затѣмъ и другіе охотники и межъ нихъ великій князь. Зайцевъ было затравлено до 300. По окончаніи охоты, все отправилось въ шатры, раскинутые около какой-то деревянной башни. Князь угощалъ охотниковъ вареньями и печеньями, а также миндалемъ, орѣхами, сластями и напитками...

Семейная жизнь Василія III сложилась несчастливо и не чужда была трагическихъ подробностей. Супруга его Соломонія, изъ рода Сабуровыхъ, въ двадцатилѣтнее свое

замужество, была безчадна. Великій князь печалился объ этомъ, въ сознаніи государственной важности прямого престолонаслѣдія отъ отца къ сыну и по естественному желанію имѣть дѣтей. Соломонія въ ноябрѣ 1525 года была силою приведена въ нашъ Рождественскій монастырь; самъ митрополитъ обрѣзалъ ей волосы; надѣли на нее монашескую мантию и нарекли ей имя Софіи, а потомъ она была отправлена въ Суздальскій Покровскій женскій монастырь.

Въ „свадебницы“ (такъ называлось время отъ святокъ до масляницы), въ январѣ 1526 года, государь женился

Василій III, съ дрезней гравюры.

на племянницѣ извѣстнаго литовско-русскаго выходца Михаила Глинскаго, Еленѣ. Свадьба была справлена съ особою пышностью и со всѣми древне-русскими обрядами. Въначаль самъ митрополитъ. Согласно народнымъ обычаямъ, тутъ былъ тысяцкій (братъ государевъ князь Андрей), были дружки, свахи, опахиваніе жениха и невѣсты соболями, осыпаніе хмелемъ изъ золотой мисы, иконы съ тафтяными убрусами, которые по концамъ

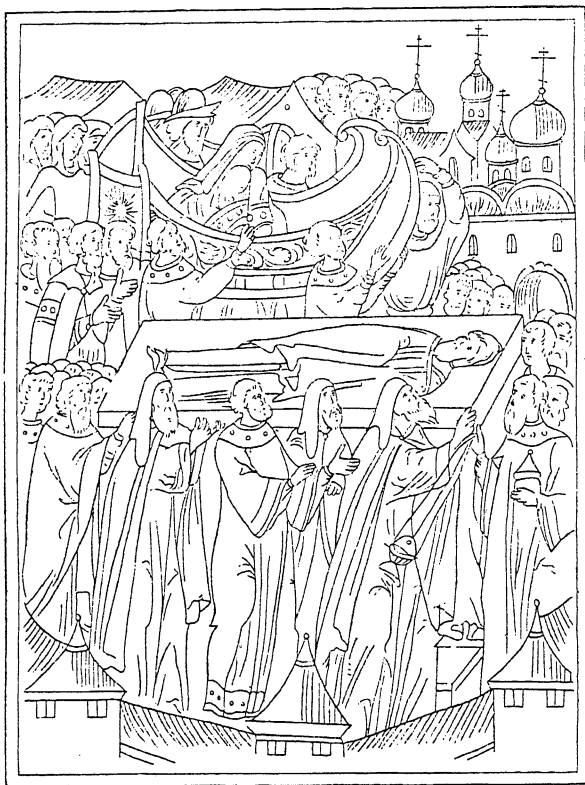
„были сажены жемчугом“, бархатные и атласные платки, ширинки, камки подножныя, золотыя и серебряныя деньги, калачи, перепечи и сыры, караваи и свѣчи, поставленныя въ кади съ пшеницей, кормленіе молодыхъ жаренымъ пѣтухомъ и кашей; конюшій государевъ — князь Федоръ Васильевичъ Телепневъ всю ночь разѣзжалъ съ обнаженнымъ мечомъ вокругъ подклѣти, или спальни. Роли дружковъ съ обѣихъ сторонъ исполняли знатнѣйшіе бояре, а обязанности свахъ — знатныя боярыни.

Василій Ш выказывалъ большую любовь къ своей молодой супругѣ, вѣроятно, кромѣ миловидности, владѣвшей болѣе утонченными манерами, чѣмъ московскія женщины того времени. Желая нравиться ей, великій князь, которому было подъ пятьдесятъ лѣтъ, сбрилъ свою бороду вопреки господствовавшему у насъ обычаю. Но, къ огорченію Василя, первые годы его второго супружества оставались бездѣтны; великій князь съ супругою началъ усердно ѣздить по монастырямъ, раздавалъ щедрую милостыню и молилъ Бога о чадородіи. Въ 1529 году государь построилъ церковь въ селѣ Дьяковѣ, близъ Коломенскаго, гдѣ молился о дарованіи ему сына. Одинъ изъ придѣловъ этого примѣчательнаго, по своему самобытно-русскому стилю, храма посвященъ зачатію св. Анны, а другой — зачатію Іоанна Предтечи. Говорятъ, будто юродивый Дементій предсказалъ беременной Еленѣ, что отъ нея „родится Титъ — широкій умъ“. Ростовская лѣтопись говоритъ, что въ ту минуту, когда, 25 августа 1330 года, родился Іоаннъ, воздухъ былъ потрясенъ неслыханными ударами грома, слѣдовавшими одинъ за другимъ, при ослѣпительной молніи. Обрадованный рожденіемъ отецъ повезъ младенца въ Троицкую лавру, и тамъ окрестили его у гроба св. Сергія; восприемниками отъ купели были два извѣстныхъ под-

вижника: столѣтній старецъ Касьянъ Босой и игумень Даниль Переяславскій. Новорожденный былъ положенъ въ раку Преподобнаго. По этому случаю для мощей святителей Петра и Алексія были отчеканены новыя великолѣпныя раки—для перваго золотая, для втораго—серебряная.

Любопытны въ бытовомъ отношеніи подробности сказанія о кончинѣ государя. Ихъ интересъ возвышается современными иллюстраціями, которыя находимъ въ лицевой „Царственной книгѣ“. Лѣтомъ великій князь, проводившій время въ своихъ подмосковныхъ селахъ, какковы: Коломенское, Воробьево, Воронцово, Островъ, Озерецкое, часто ѣздилъ на богомолье по монастырямъ и на охоту псовую или соколиную. Въ сентябрѣ 1533 года великій князь, побывавъ у Троицы, поѣхалъ со своей семьей въ Волоколамскъ, чтобы тамъ „тѣшиться осеннею охотой“. На дорогѣ, на лѣвомъ стегнѣ у государя появился небольшой, но злокачественный нарывъ. Несмотря на это, послѣ Покрова великій князь былъ въ Волоколамскѣ на пиру у своего любимца Шигоны Поджогина и, не утерпѣвъ, поѣхалъ съ собаками и ловчими въ поле. Но съ охоты его принесли дѣти боярскія на носилкахъ въ Волоколамскъ. Вызванные изъ Москвы придворные врачи: нѣмецъ Николай Булевъ и Теофилъ прикладывали къ нарыву пшеничную муку съ медомъ и лукомъ и какую-то мазь, отъ которой пошелъ гной. Больному становилось хуже, и онъ дѣлалъ предсмертныя распоряженія. Дьякъ Меньшой Путятинъ со стряпчимъ Мансуровымъ привезли прежнюю духовную государя, которая, по его распоряженію, была сожжена. Все это было сдѣлано тайкомъ отъ братьевъ государевыхъ и бояръ. Начали составлять новую духовную. Посоветовавшись со своими любимцами, Василій III призвалъ въ послухи, или свидѣтели, находившихся при

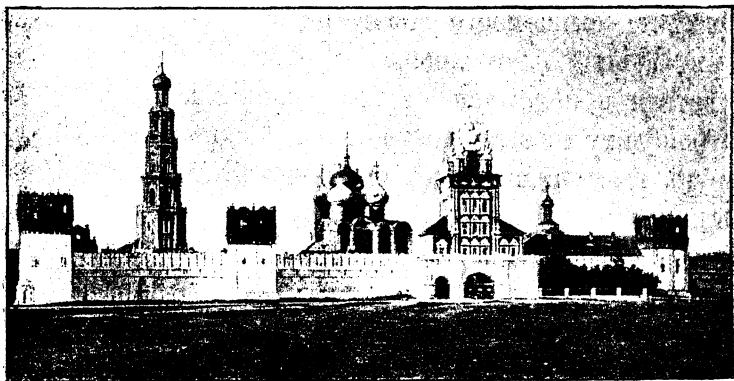
немъ князей: Бѣльскаго, Шуйскаго, Глинскаго, Кубенскаго и Шигону; изъ Москвы вызвали еще Михаила Юрьевича Захарьина-Кошкина. Государь хотѣлъ умереть въ Москвѣ, но захваль въ Юсифовъ монастырь, гдѣ, лежа на одрѣ, слушалъ литургію; подлѣ него стояла

Погребеніе Василія III. По Царственой книгѣ.

великая княгиня съ дѣтьми, проливая слезы. Въ Москву везли больного уже недвижимаго въ каптанѣ, или возкѣ, и въ немъ переворачивали его князья Палецкой и Шкурлятевъ. Въ селѣ Воробьевѣ, куда явились митрополитъ и бояре, была двухдневная остановка. Противъ Ново-дѣвичьяго монастыря навели чрезъ рѣку мостъ. Но чет-

верка лошадей, везшая возокъ, провалилась; дѣти боярскія подхватили возокъ и обрѣзали гужи у оглобель. Государь покручинился на городничихъ (Волинскаго и Хохрикова), переправился подъ Дорогомиловымъ на паромъ и въѣхалъ въ Кремль рано утромъ, чтобы не оглашалось его безнадежное состояніе. Окончивъ духовное завѣщаніе, государь, открывъ митрополиту и своему духовнику о желаніи постричься въ монахи и посхимиться, обратился со слѣдующими словами къ боярамъ: „въдаете сами, отъ великаго князя Владиміра Кіевскаго

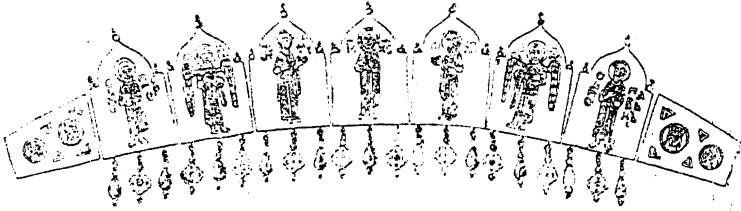
Новодѣвичій монастырь.

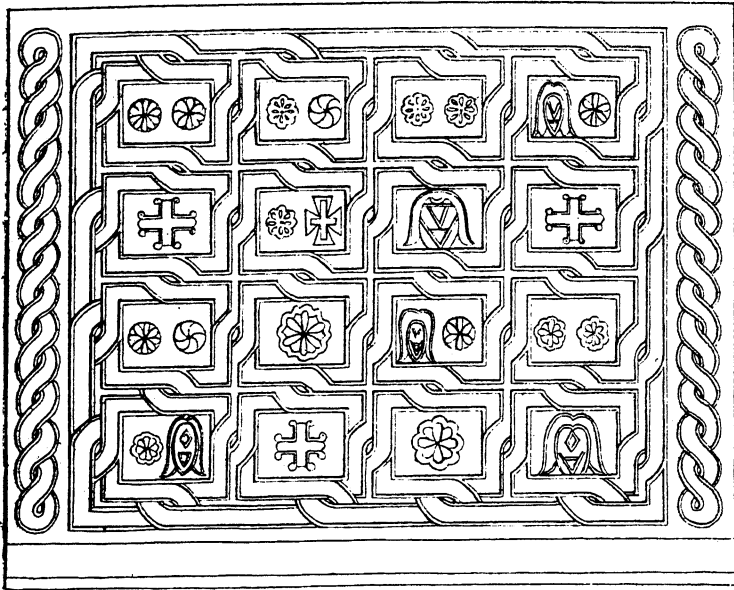
ведется наше государство Владимірское, Новгородское и Московское. И вы, братіе, постоите крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государемъ; была бы въ землѣ правда, и въ васъ бы розни не было никоторыя. Да приказываю вамъ Михайла Львовича Глинскаго. онъ человекъ къ намъ пріѣзжій, но вы не называйте его пріѣзжимъ, а держите за здѣшняго урожденца, зане онъ мнѣ прямой слуга; и были бы вы всѣ сообща, земское дѣло и дѣла сына моего зѣло берегли и дѣлали за одинь. А ты бы, князь Михайло Глинскій, за моего сына князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и

за моего сына князя Юрія кровь свою проліяль и тѣло свое на раздробленіе даль“.

3-го декабря умиравшій государь вторично причастился святыхъ таинъ и назначилъ правительницей государства Елену. Лѣтописецъ изображаетъ трогательное прощаніе государя съ трехлѣтнимъ сыномъ Иваномъ, котораго принесли на рукахъ, и съ великою княгинею, которую держали подъ руки, а она вопила и билась. Ивана онъ благословилъ крестомъ Петра чудотворца, коимъ благословленъ былъ Іоаннъ Калита. Отпуская сына, государь сказалъ его нянѣ, боярынь Челядниной: „смотри, Аграфена, отъ сына моего Ивана не отступи ни пяди“. Затѣмъ Василій благословилъ и однолѣтняго сына Юрія. Чувствуя приближеніе смерти, великій князь приказалъ митрополиту начать постригъ и посхимленіе. Но тутъ вдругъ выступили братъ его Андрей, Михайло Воронцовъ и самъ Шигона съ возраженіями, что Владиміръ Кіевскій не чернецомъ умеръ, а сподобился быть праведнымъ также, какъ и другіе князья. Поднялся споръ: но умирающій, лишившійся уже языка и рукъ, взоромъ просилъ пострига. Митрополитъ, совершивъ постриженіе, возложилъ на него парамонатку, ряску, мантию, наконецъ, схиму и евангеліе на грудь, нарекъ его иноческимъ именемъ Варлаама. „Царственная книга“ говоритъ: „стоящи же близъ него Шигона, какъ положили евангеліе на грудѣхъ, видѣ духъ его отшедшій, аки дымець малъ“. Дворецъ огласился рыданіями. Митрополитъ тотчасъ сталъ приводить находившихся во дворцѣ къ присягѣ, а иноки Троицкаго и Іосифова монастыря, отославъ стряпчихъ, овладѣли тѣломъ великаго князя и стали готовить его къ погребенію. Настало утро 5-го декабря. Въ Архангельскомъ соборѣ готова была могила, и тѣло великаго князя, при звонѣ коло-

коловъ и рыданіи народа, перенесено было изъ дворца въ эту державную усыпальницу. Великую княгиню, какъ видно на приведенномъ выше рисунгѣ, изображающемъ выносъ въ Архангельскій соборъ, несли на савяхъ. Погребеніе было совершено съ обычными обрядами.

IV.

Въ теченіе пяти лѣтъ, отъ 1533 года по 1538, за малолѣтствомъ государя, правленіе находилось въ рукахъ его матери великой княгини Елены Глинской. Главное значеніе въ государствѣ въ это время имѣли князь Овчина - Телепневъ - Оболенскій и родственники правительницы. Мало достопримѣчательнаго въ государственномъ отношеніи представляетъ это время, но оно оставило свои слѣды въ исторіи Москвы, какъ города.

Памятникомъ правленія Елены была постройка крѣпостныхъ стѣнъ Китай-города. Въ виду того, что Кремль, въ случаѣ осады, не могъ уже за своими стѣнами вмѣщать сильно увеличившееся народонаселеніе, Василій III желалъ, какъ вы знаете, построить еще новую крѣпость. Осуществленіемъ этой мысли занялась великая княгиня. Именно работы были начаты въ 1534 году. Сперва „сдѣ-

ланъ бысть въ Москвѣ градъ земляной по тому мѣсту, гдѣ мыслилъ ставить великій князь Василій Ивановичь. Градъ былъ сдѣланъ на большее пространство Москвы. Хитрецы (розмыслы-инженеры) устройша его вельми мудро, наченъ отъ каменныя большія стѣны (кремлевской), *исплеташу тонкій мѣсъ* (хворость) около большого древія и внутрь насыпаху землю и вельми крѣпко утверждаху и ведоша по рѣцѣ Москвѣ и приведоша къ той же каменной стѣнѣ и на версѣ устройша градъ деревянъ, по обычаю (т. е. помость съ кровлею, для защиты). Нарекоша граду имя Китай“.

По мнѣнію И. Е. Забѣлина, прозваніе Китай значитъ, по всей вѣроятности, плетеничный: ибо Китай—веревка, сплетенная или свитая изъ травы, соломы или прутьевъ, коими вяжутъ одонья. То обстоятельство, что для постройки земляныхъ стѣнъ *исплеташу тонкій мѣсъ*, подтверждаетъ такое предположеніе. Но правительница не удовольствовалась этими деревянно-земляными стѣнами и повелѣла „на бѣльшее утверженіе, градъ камень ставить, подлѣ земляной городъ“. Въ 1535 году, вдоль вырытаго рва, по совершеніи митрополитомъ Данииломъ крестнаго хода, заложена была каменная стѣна, съ башнями и воротами. Новыя стѣны охватили часть Большаго посада, гдѣ производилась торговля. Приступлено было и къ постройкѣ каменныхъ лавокъ, число которыхъ къ началу XVII столѣтія уже было весьма значительно; въ нихъ производилась торговля европейскими и азіатскими товарами, что видно изъ названій: Фряжскихъ погребовъ, Суровскаго и Панскаго рядовъ и пр.

Немаловажныя перемѣны произвела Елена въ чеканкѣ монеты. Въ предшествующее время распространилось обрѣзываніе монеты и даже ея поддѣлка, хотя фальшивыхъ монетчиковъ жестоко казнили, заливая имъ горло растопленнымъ металломъ. Правительница велѣла отби-

рать всю старую испорченную монету и чеканить новую. Изъ фунта серебра, или гривны, теперь вычеканивалось три рубля, или 300 денегъ. Три деньги составляли алтынъ, пятьдесятъ денегъ—полтину. Окончательно былъ установленъ штемпель московской монеты. На ней съ давняго времени стали господствовать всадники: то ловчій съ соколомъ въ рукѣ, то всадникъ съ копьемъ, то всадникъ-мечникъ. Въ это же время установленъ былъ, въ видѣ монетнаго штемпеля, появившійся при Василии Темномъ конный копейщикъ. Объ этомъ лѣтописецъ говоритъ: „великій князь Иванъ Васильевичъ учини знамя на деньгахъ: князь великій на конѣ и имѣя копье въ рукѣ, и оттолѣ прозвашася деньги копейныя“. Такимъ образомъ, установившійся съ Иоанна III, только на государственныхъ печатяхъ, гербъ сдѣлался окончательно монетнымъ штемпелемъ, пока не былъ замѣненъ двуглавымъ орломъ.

Со смерти великой княгини Елены, до 1547 года, когда Иоаннъ IV достигъ семнадцатилѣтняго возраста, шло правленіе боярской думы. Это время было печальнымъ: правители—бояре вели борьбу между собою, насильственно вырывая другъ у друга власть и низвергая митрополитовъ, а главное не радѣли о воспитаніи государя-отрока, чѣмъ приготовили себѣ грозу, хотя власть его была неприкосновенна и для дурныхъ правителей, и имъ не могла придти въ голову мысль объ ея ограниченіи. Отъ первосовѣтниковъ думы боярской, князей Глинскихъ, власть переходила къ Шуйскимъ и Бѣльскимъ, отъ Бѣльскихъ опять къ Шуйскимъ, отъ нихъ къ Глинскимъ, и всѣ эти переходы отмѣчены въ исторіи несправедливостями и насиліями. Но если воспитатели малолѣтняго государя и правители государства не посягнули на его историческое достояніе, на его власть единодержавную и самодержавную, то все же они тяжко виновны предъ его личностью и предъ исторіей въ томъ, что

небрегли объ его воспитаніи, не показывали ему въ себѣ добрыхъ примѣровъ, не думая о самомъ своемъ будущемъ, безсознательно или попустительно только озлобляли его противъ самихъ себя. Онъ самъ въ мрачную пору своей жизни вспоминалъ, какія лишенія заставляли его терпѣть въ дѣтствѣ, какъ обижали и преслѣдовали людей ему преданныхъ, какъ нѣкоторые выражали свою нелюбовь къ его покойной матери и даже не показывали подобающаго уваженія къ памяти его родителя. Можетъ быть, окружающимъ казалось, что малолѣтній Іоаннъ не пойметъ этого или не запомнитъ... Когда же онъ подростъ, впали въ противоположную крайность: желая заслужить его милость, стали потакать дурнымъ склонностямъ. на примѣръ, не останавливали его, когда онъ бросалъ изъ своего терема животныхъ на землю, и смотрѣлъ, какъ они умирали въ мученіяхъ и т. д.

Но по волѣ Божіей въ самомъ характерѣ Іоанна IV было не мало своихъ и наслѣдственныхъ склонностей къ добруму: онъ былъ любопытенъ и любилъ читать Св. Писаніе, святоотеческія творенія и исторію, способенъ былъ увлекаться хорошими впечатлѣніями, слушать добрые совѣты благомыслящихъ людей. Однако недобрыя условія его печальнаго дѣтства давали уже себя знать: онъ былъ съ 13 лѣтъ страшно гнѣвенъ и въ гнѣвѣ не сдержанъ; такъ, недовольный первымъ совѣтникомъ думы боярской княземъ Андреемъ Шуйскимъ, онъ приказалъ затравить его собаками своимъ псарямъ.

Но, къ счастью Россіи, добрыя впечатлѣнія и добрыя вліянія поставили его на другой путь.

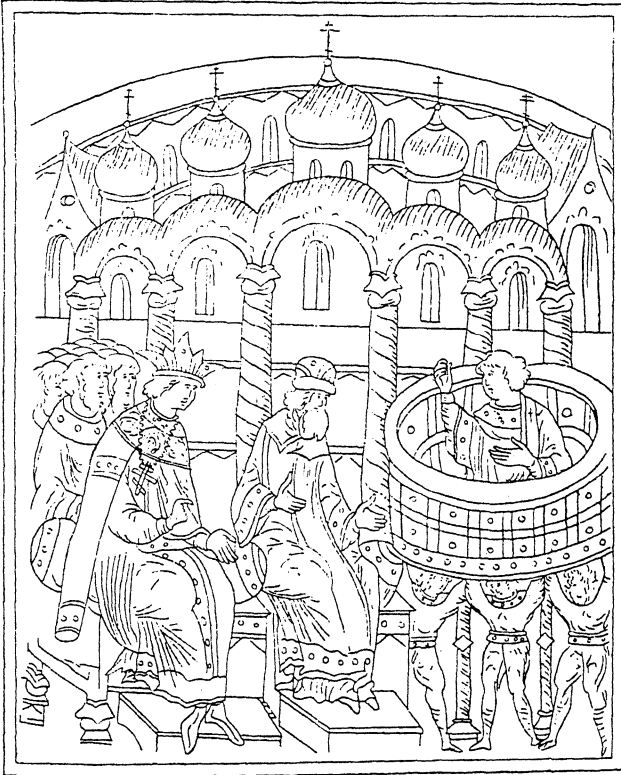
Въ 1547 году, когда Іоанну было 17 лѣтъ, онъ объявилъ митрополиту Макарію о намѣреніи своемъ жениться. По этому случаю былъ отслуженъ торжественный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ этого молодой

государь, созвавъ своихъ бояръ, объявилъ и имъ о своемъ намѣреніи, при чемъ сказали, что хотѣлъ искать невѣсту въ иномъ царствѣ, но оставилъ эту мысль и хочетъ жениться въ своемъ государствѣ. При этомъ онъ объявилъ боярамъ и другое важное рѣшеніе — вѣнчаться на царство, по примѣру своихъ прародителей, начиная отъ Владиміра Мономаха. Это священное коронованіе было совершено, 16 января, въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Макаріемъ (составителемъ Великихъ Четыхъ-Миней) по тому же чину и почти съ такими же обрядами, какъ уже извѣстное читателямъ вѣнчаніе внука Іоанна Ш—Дмитрія. Важнымъ же отличіемъ этого священнодѣйствія было то, что теперь къ прежнему титулу великаго князя государь присоединилъ новый, высшій прежняго, титулъ Царя. Такимъ образомъ Московское государство всея Руси стало царствомъ. Съ коронаціи Іоанна Васильевича употребленіе царскаго титула сдѣлалось постояннымъ, и государь именовался Царемъ во всѣхъ государственныхъ актахъ. Русскіе люди того времени придавали важное значеніе этой перемѣнѣ. По понятіямъ книжныхъ людей, Русскій Царь является прямымъ преемникомъ православныхъ царей греческихъ, отъ которыхъ онъ происходилъ и по бабкѣ своей Софьѣ Ѳомишинѣ и по прародительницѣ Аннѣ, супругѣ Равноапостольнаго Владиміра. Единственнымъ авторитетомъ, къ которому Іоаннъ обратился за подтвержденіемъ новаго титула, или его благословеніемъ, былъ Цареградскій патріархъ. Отъ него была получена подтверждающая грамота.

Въ „Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ“ приведенъ самый чинъ этого вѣнчанія на царство, съ его обрядами и молитвами. Послѣ пѣнія „трисвятаго“ на государя возложенъ былъ сперва животворящій крестъ, затѣмъ бармы и вѣнецъ Мономаха. И Царь возсѣлъ за-

тѣмъ на тронѣ, поставленный на амвонѣ, рядомъ со святительскимъ сѣдалищемъ.

Воспроизводимая изъ „Царственной книги“ миниатюра относится къ этому и представляетъ намъ слѣдующій моментъ: „и по молитвѣ сѣлъ Царь на своемъ столѣ, а

Вѣнчаніе на Царство Іоанна IV. По Царственной книгѣ.

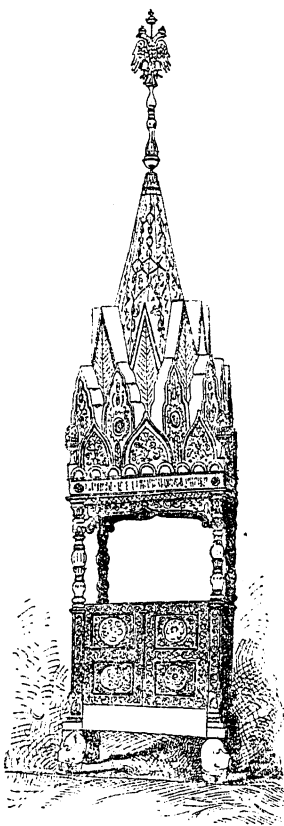
митрополитъ на своемъ, и вшедъ на амвонъ архидіаконъ, глаголя велегласно многолѣтіе Царю Ивану Васильевичу Русскому, и весь освященный соборъ Рускія митрополіи“. Амвонъ устроенъ здѣсь по-новгородски: „человѣчки деревянные на главахъ держатъ его“.

Іоаннъ IV, въ 1551 г., когда озабоченъ былъ утвержденіемъ за собою царскаго титула, соорудилъ себѣ

царское мѣсто, находящееся теперь въ Успенскомъ соборѣ. Оно устроено въ видѣ шатровой сѣни, на четырехъ столбахъ, наподобіе тѣхъ сѣней, кои устраиваются надъ престолами. Сѣнь поддерживаютъ четыре символическихъ животныхъ: левъ, или скиментъ, гіенна

и еще два, называвшіяся остроганами. На самомъ тронѣ сдѣланы надписи и вырѣзаны изображенія изъ жизни Владиміра Мономаха и среди нихъ касающіяся принесенія изъ Византіи царскихъ регалій.

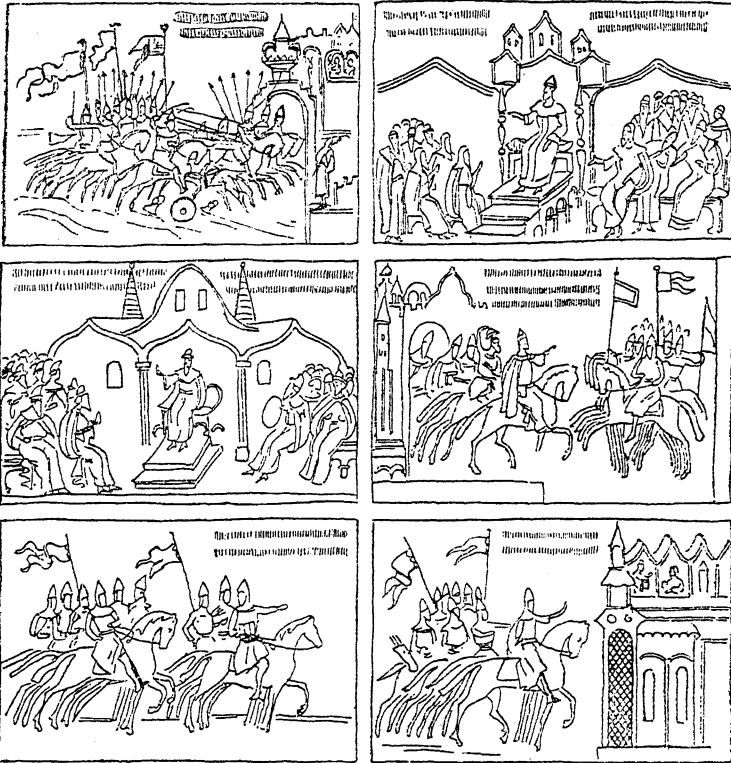
Послѣ коронаціи были разосланы грамоты, чтобы князья, бояре и дворяне прислали своихъ дочерей-дѣвицъ на смотръ намѣстникамъ; послѣдніе дѣлали наборъ: отдѣляли изъ нихъ красивыхъ и отсылали въ Москву для избранія царю невѣсты. Выборъ Іоанна Васильевича остановился на Анастасіи Романовнѣ Захарьиной - Юрьевой, происшедшей отъ рода боярина временъ Симеона Гордаго—Андрея. Внукъ его Иванъ Ѳеодоровичъ, ближній бояринъ Василя I, въ числѣ другихъ сыновей имѣлъ Захарію; его сынъ Юрій, бояринъ

Тронъ Мономаха.

Іоанна III, былъ родоначальникомъ линіи Захарьиныхъ-Юрьевыхъ. Изъ нихъ Романъ Юрьевичъ оставилъ послѣ себя вдову Юліанію Ѳеодоровну съ сыновьями Даниломъ и Никитою и дочерьми Анной, вышедшей за князя Сицкаго, и Анастасіей Романовной, ставшей цар-

ской невѣстой. Она воспитывалась въ домѣ дѣда, подъ руководствомъ тетки своей Θεодосіи Юрьевны, въ приходѣ Георгія на Дмитровкѣ, за Житной площадкой, гдѣ построена была церковь Юріемъ Захарынымъ.

Рѣзные изображенія на тронѣ Мономаха.

Впослѣдствіи Θεодосія Юрьевна родительскій домъ обратила въ Георгіевскій монастырь.

Свадьба царя и Анастасіи Романовны была совершена митрополитомъ Макаріемъ, 3 февраля, въ Успенскомъ соборѣ. При этомъ первосвященникъ произнесъ рѣчь новобрачнымъ, увѣщавая ихъ прилежать перкви, творить милостыню, заступаться за вдовъ и сиротъ, не слушаться злыхъ навѣтовъ и льстецовъ. бояръ и бояр-

сихъ дѣтей жаловать и т. д. Анастасія Романовна приобрѣла благотворное вліяніе на Іоанна.

Свадьба была справлена со всѣми народными обычаями; посаженой матерью была княгиня Евфросинія Старицкая, а тысяцкимъ—ея сынъ, князь Владиміръ Андреевичъ. Родной братъ царя Юрій въ первый разъ сидѣлъ за столомъ „въ большомъ мѣстѣ“, конюшій Михайло Глинскій ѣздилъ во всю ночь около подклѣтки. Юрій Глинскій „слалъ постели и водилъ новобрачнаго въ мыльню“. Черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы новобрачные отправились къ Троицѣ на богомолье, при чемъ царь, несмотря на зиму, шелъ пѣшкомъ.

Кромѣ этихъ двухъ событій: царскаго вѣнчанія и свадьбы государя, въ этомъ году приобрѣли особое, чрезвычайное значеніе пожары. Огонь ихъ поставилъ Іоанна въ путь иной, сдвинувъ съ того, который предопредѣляло для него его печальное дѣтство и который отмѣченъ казнями, во вторую половину его царствованія, послѣ смерти царицы Анастасіи Романовны.

3 іюня, въ Кремлѣ, съ деревянной звоницы, упалъ большой колоколъ „Благовѣстникъ“ („напрасно отпаде“), когда начали звонить въ него къ вечерни. При паденіи у этого колокола отбились уши. Всѣ встревожились этимъ, какъ недобрымъ предзнаменованіемъ. Даже Іоаннъ, жестоко расправлявшійся съ псковскими „жалобными людьми“ въ Коломнѣ, получивъ это тревожное извѣстіе, бросилъ все, прискакалъ въ Москву и приказалъ какъ можно скорѣе придѣлать къ колоколу уши. Какъ близко принимали это въ то время къ сердцу, видно изъ того, что „Царственная книга“ посвящаетъ особый рисунокъ этому исправленію колокола, совершенному въ присутствіи царя и царицы... Предзнаменованіе, повидимому, оправдалось. 21 іюня вспыхнулъ еще невиданный съ изначала Москвы пожаръ. Онъ пошелъ отъ Воздви-

женья на Арбатѣ и сжегъ все Занеглименье. Поднявшаяся буря погнала отсюда огонь на Кремль: тамъ загорѣлся верхъ Успенскаго собора, крыша царскихъ палатъ, дворъ царской казны, Благовѣщенскій соборъ съ его драгоценными иконами греческаго и русскаго письма (Андрея Рублева), митрополичій дворъ и царская конюшня. Погорѣли монастыри—Чудовъ и Вознесенскій и погибли все боярскіе дома въ Кремлѣ. Одва пороховая башня съ частью стѣны взлетѣла на воздухъ. Пожаръ перешелъ въ Китай-городъ. Около двухъ тысячъ народу сгорѣло живьемъ, митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыму въ Успенскомъ соборѣ, откуда онъ своими руками вынесъ образъ Богоматери, написанный святителемъ Петромъ. Владыка, въ сопровожденіи протопопа Гурія, несшаго Кормчую книгу, взошелъ на Тайницкую башню, охваченную густымъ дымомъ. Макарія стали спускаться съ башни на канатъ на Москворѣцкую набережную, но тотъ оборвался, и владыка такъ ушибся, что едва пришелъ въ себя и былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Царь съ семьей и боярами уѣхалъ за городъ, въ село Воробьево.

Интрига смутчиковъ пустила въ народъ молву, будто Москва сгорѣла отъ Глинскихъ, родственниковъ царя. Бабка его, княгиня Анна, будто разрывала могилы и изъ покойниковъ сердца вынимала, высушивъ ихъ, толкла, порошокъ сыпала въ воду, а тою водою, ѣздя по Москвѣ, улицы кропила, отъ того-де Москва и сгорѣла; вслѣдствіе этого вспыхнулъ народный бунтъ. Но громадный пожаръ 1547 года имѣлъ чрезвычайную важность, потому что, глубоко взволновавъ Іоанна, произвелъ благотѣльный переворотъ въ душѣ его, такъ какъ онъ увидаль въ этомъ прямое Божіе наказаніе за нерадѣніе къ дѣламъ правленія.

Чѣмъ же выразился благотворный внутренній переворотъ въ Іоаннѣ? Тѣмъ, что онъ самъ дѣятельно принялся

за государственное управление и приблизилъ къ себѣ въ помощь такихъ благомыслящихъ людей, какъ пожалованный въ окольничіе Алексѣй Адашевъ и протопопъ Сильвестръ, авторъ замѣчательнаго сочиненія: „Домострой“, въ которомъ онъ изложилъ для сына своего древне-

Большая царская печать Иоанна IV.

русскія правила жизни. Можно догадываться, что и митрополитъ Макарій имѣлъ большое вліяніе на Іоанна. Молодой царь впервые на Руси созвалъ земскій соборъ, т.-е. собраніе не только думныхъ людей государя и высшее духовенство (освященный соборъ), но и выборныхъ людей отъ служилыхъ людей въ уѣздахъ и отъ посадскихъ

въ городахъ. Онъ собралъ ихъ на Красной площади и здѣсь на возвышенномъ мѣстѣ (взлобье) и съ такъ называемаго Лобнаго мѣста сказалъ рѣчь, въ которой описалъ печальное время своего дѣтства и своеволие бояръ и объявилъ, что теперъ самъ принимается за дѣла правленія, „елико вмѣстно намъ, самъ буду судія и оборона“, и поручилъ Алексѣю Адашеву принимать челобитныя отъ обиженныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1550 году, былъ изданъ новый судебникъ, болѣе подробный, чѣмъ—его дѣда Іоанна III; послѣдовали также преобразованія въ областномъ управленіи, къ коему привлекаются выборные люди—для суда уголовнаго губные старосты изъ дворянъ, для сбора податей земскіе старосты, излюбленныя головы, крестоцѣловальники. Для исправленія церковныхъ нестроеній созывается духовный соборъ, который на вопросы царя о разныхъ улучшеніяхъ въ дѣлахъ церкви составляетъ сто главъ своихъ постановленій (отсюда „стоглавыи соборъ“). Между прочимъ, въ это время рѣшено было продолжить начатое еще прежде исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, а ради охраненія ихъ отъ порчи переписчиками Царь рѣшилъ ввести въ Москвѣ изобрѣтенное на Западѣ книгопечатаніе, что и было исполнено позднѣе.

Съ 1547 года началась одна изъ блестящихъ страницъ Русской Исторіи, на которой записаны важныя начинанія Россіи въ восточномъ и западномъ вопросахъ. Утвердившаяся въ Восточной Европѣ Золотая орда,—этотъ змѣй Горынычъ нашей исторіи, распалась уже на три части, отравившія себѣ головы въ видѣ ханствъ—казанскаго, астраханскаго и крымскаго.

Они мѣшали новому Русскому Царству двигаться на востокъ и на югъ, мѣшали тому распространенію Руси, которое началось еще во времена до-монгольскія. Первый Царь Русскій и сдѣлалъ на нихъ первое наступленіе: онъ покорилъ самъ царство казанское, воеводы его

покорили царство астраханское, казаки донскіе—завоевали ему царство сибирское. Осталось только покорить ханство крымское, что сдѣлала Екатерина Великая.

Владѣвшая среднимъ теченіемъ Волги, Казань раньше подпадала подъ власть Москвы, а при Іоаннѣ IV тамъ правилъ нашъ подручникъ Шигъ-Алей. Но татары освобождались отъ зависимости московской и начинали дѣлать нападенія на русскія земли. Два раза Іоанну приходилось предпринимать походы на Казань. Во второй онъ поставилъ на ея землѣ русскій городъ Свѣяжскъ. Но этимъ ограничиться, въ виду часто повторявшихся враждебныхъ отношеній, было нельзя, и Іоаннъ снаряжаетъ въ полтора тысячь войско и самъ идетъ на Казань, чтобы взять ее совсѣмъ въ русскія руки. Народъ еще до нашихъ дней поетъ въ своей пѣснѣ:

Грозенъ былъ воинъ—царь, нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ:
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ—силою
Онъ прошелъ страну татарскую,
Сіе царство взялъ казанское.

Народная пѣсня говоритъ, что сила русская налетѣла на Казань, какъ орелъ, какъ туча грозная.

Іоаннъ IV повелъ систематически осаду Казани. Онъ окружилъ ее кольцомъ плетеныхъ туровъ (коробьевъ съ землею), тыномъ и стѣнобитыми башнями съ таранами. Собщеніе Казани со всѣхъ сторонъ было отрѣзано; закрыть былъ ей доступъ и къ рѣкѣ Казанкѣ. Когда было узнано, что казанцы подземнымъ ходомъ (тайникомъ) носятъ въ городъ воду изъ ключа на берегу Казанки, Іоаннъ велѣлъ сдѣлать подкопъ подъ этотъ тайникъ. Когда черезъ 10 дней работы русскіе услышали надъ собой, какъ казанцы ходятъ за водой, царь велѣлъ вкатить въ подкопъ 11 бочекъ пороху.

Взрывъ уничтожилъ тайникъ, и казанцы должны были пить воду изъ смраднaго потока и оттого сильно умирали. Но все же они продолжали биться мужественно. Какъ кроты, они подкапывались подъ русскія укрѣпленія, выползая изъ своихъ норъ, какъ змѣи, отворяли ворота и толпами дѣлали вылазки, строили свои высокія подвижныя башни „турусы на колесахъ“ и съ нихъ обстрѣ-

Походъ на Казань. По Царственной книгѣ.

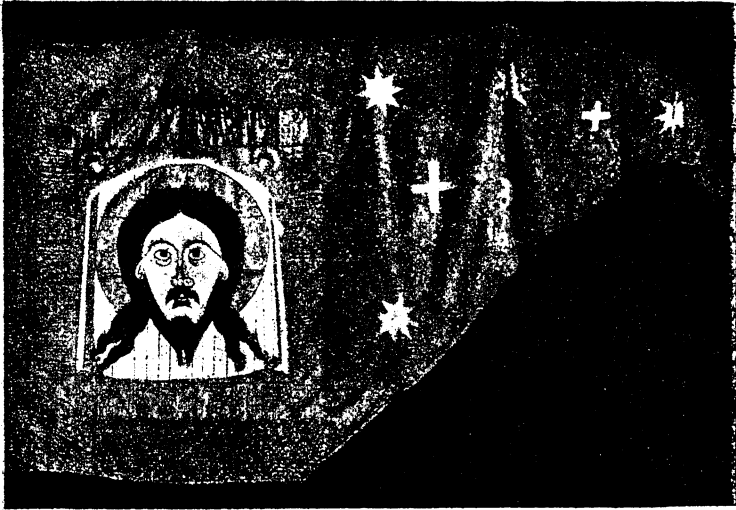
ливали русскихъ. Русскіе опять дѣлали взрывы и нѣсколько разъ пробивались въ самый городъ, но тамъ удержаться еще не могли. Когда готовы были два громадныя подкопа подъ самыя стѣны, сдѣланныхъ подъ управленіемъ нѣмецкаго размысла или инженера, и въ нихъ были вкачены бочки съ порохомъ, назначенъ былъ

общій приступъ, именно на другой день Покрова Богородицы, т. е. на 2-е октября 1552 году. По православному, горячей молитвой русскіе приготовились къ рѣшительному дѣлу. До разсвѣта они уже всѣ были въ заранѣ назначенныхъ мѣстахъ. Молодой царь въ это рѣшительное утро слушалъ скорую обѣдню въ походной земляной церкви и причащался святыхъ таинъ. Дьяконъ дочитывалъ Евангеліе и лишь произнесъ слова: „Да будетъ едино стадо и единъ пастырь“, какъ потрясающимъ громомъ раздался взрывъ 48 бочекъ пороха въ подкопѣ. Туча камней, бревенъ и земли полетѣла на Казань. Обѣдня еще ускорила. Еще горячѣе молился царь. Вотъ дьяконъ читаетъ на ектеньѣ прошеніе: „о еже покорити подъ носъ его всякаго врага и супостата“, раздается новый взрывъ сильнѣе прежняго. Русскія войска съ кликами: „съ нами Богъ“, кинулись въ Казань чрезъ взорванныя стѣны. Но казанцы геройски бились на самыхъ улицахъ города. Уже причастившись святыхъ таинъ, царь въ полномъ вооруженіи на конѣ поскакалъ къ своему полку и сталъ у главныхъ воротъ Казани. Между тѣмъ, русскихъ стали въ городѣ тѣснить татары: потому что многіе разбрелись по городу за добычей. Царь остановилъ отступавшихъ и двинулъ въ городъ свѣжую подмогу. Сопротивленіе татаръ было окончательно сломлено; городъ наполнился трупами; кровь текла потоками. Взобравшіеся на башню и стѣны татары закричали, что хотятъ начать переговоры, и битва остановилась. Побѣжденные сказали: „пока стоялъ нашъ городъ съ нашимъ царствомъ, мы бились до смерти; теперь отдаемъ вамъ нашего царя Эдигера живого и здороваго, ведите его къ вашему царю; а мы идемъ въ чистое поле, испить съ вами послѣднюю чашу“. Они спустились со стѣны, перешли черезъ Казанку, но, встрѣченные тамъ московскими полками, пали въ бою съ

ними. Иоаннъ, пока очищали для проѣзда улицу, ведущую къ дворцу хана, слушалъ благодарственный молебенъ и водрузилъ крестъ, гдѣ самъ намѣтилъ мѣсто для храма Спаса Нерукотвореннаго.

Торжественно было возвращеніе въ Москву покорителя царства казанскаго. Обильное важными послѣдствіями событіе отпраздновано было въ Москвѣ благодарственными молебнами, наградами ратнымъ людямъ и веселыми пирами.

Въ память завоеванія Казани царь построилъ на нашей Красной площади соборъ Покрова Пресвятой Богородицы

Знамя царя Иоанна Васильевича *).

о девяти верхахъ и девяти престолахъ. Этотъ образецъ самобытнаго русскаго зодчества воздвигли уже не выписные заграничные мастера, а, по недавно открытому свидѣтельству лѣтописи, русскіе зодчіе Барма съ товарищи. Въ этомъ удивляющемъ и иностранцевъ созданіи самобытнаго русскаго искусства нѣтъ даже визае-

*) Оно было съ Иоанномъ Грознымъ подъ стѣнами Казани, а нынѣ хранится въ Оружейной палатѣ.

тійской примѣси: здѣсь все русское, до орнаментовъ (украшеній) включительно, совпадающихъ съ узорами старорусской рѣзбы, вышивокъ и украшеній нашихъ превосходныхъ старыхъ рукописей. Черезъ четыре года воеводы Бѣлаго царя, какъ стали называть нашего государя на востокѣ, покорили на устьяхъ Волги царство астраханское. Итакъ, вся Волга съ ея притоками вошла въ составъ Русскаго государства. „По царству и рѣка“, сказалъ нашъ высокоталантливый поэтъ Языковъ.

Съ присоединеніемъ Астрахани русскіе сдѣлались соседями кавказскихъ народовъ, терпѣвшихъ отъ крымскаго хана, и потому кавказскіе князья стали искать поддержки въ московскомъ государствѣ.

Крымскій ханъ Дивлетъ-Гирей, озлобленный противъ насъ за разореніе Казани, напалъ въ 1555 году на нашу тульскую украину. По своему обычаю, „въ одну сторону лукъ направлять, а въ другую стрѣлять“, онъ предъ этимъ нападеніемъ распустилъ было слухъ, что идетъ на черкасъ. Но, несмотря на эту хитрость, онъ былъ прогнанъ отъ русскихъ рубежей. Въ слѣдующемъ году воевода Ржевскій съ небольшимъ отрядомъ сдѣлалъ побѣгъ къ Очакову, взялъ городъ, побилъ здѣсь не только татаръ, но и турокъ. Въ 1559 году околничій Данило Адашевъ пошелъ къ устью Днѣпра, взялъ два турецкихъ корабля, высадился въ Крымъ съ 8,000 войска, опустошилъ тамошніе татарскіе улусы и освободилъ много русскихъ плѣнныхъ. Ханъ присмирѣлъ и предложилъ дружбу свою Москвѣ. Въ доказательство ея царь потребовалъ отъ него, чтобы онъ навсегда оставилъ свои „безлѣпицы“ и велѣлъ сказать ему, что „теперь русскіе узнали дорогу въ Крымъ и полемя и моремъ“.

Но, устремляясь на востокъ, Іоаннъ IV никогда не забывалъ о западѣ. Посмотримъ на его стремленія въ

эту сторону, какъ выразились они въ сношеніяхъ съ западно-европейскими иностранцами и въ войнахъ со шведами, ливонскими нѣмцами и поляками. Война съ

Храмъ Василія Влаженнаго.

нѣмцами ливонскими была собственно предрѣшена, въ годъ вѣнчанія на царство Іоанна IV, т.-е. въ 1547 году. Именно въ это время онъ снаряжаетъ на западъ нѣмца

Ивана Шлитте нанять за границей для Россіи побольше разныхъ техниковъ, „хитрыхъ мастеровъ“, которые бы умѣли пушки и пищали лить, знали бы руду добывать, были бы слесарями, архитекторами, аптекарями и т. д. Но наши сосѣди, чужа уже могущество Россіи, всякими средствами старались мѣшать дальнѣйшему ея развитію. Когда Шлитте нанялъ въ Германіи 123 человекъ техниковъ разнаго рода и готовился посадить ихъ на корабль въ Любекѣ, нѣмцы ливонскіе выхлопотали у городского управленія и даже у самого германскаго императора приказъ арестовать мастеровъ, а самого Шлитте посадить въ тюрьму. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ Васильевичъ сталъ думать о завоеваніи Ливоніи, захваченной нѣмцами, а прежде принадлежавшей русскимъ (вспомните Ярослава Мудраго и его Юрьевъ) и объ утвержденіи на берегахъ Балтійскаго моря, для невозбраннаго сношенія съ западомъ, что сдѣлалъ впоследствии Петръ I. Немного утѣшенъ былъ Іоаннъ тѣмъ, что въ 1553 году занесло черезъ Бѣлое море въ Сѣверную Двину англійскій корабль капитана Ченслера (два другихъ корабля съ командиромъ ихъ Виллоби были у Мурмана затерты льдами; тамъ замерзли англичане, искавшіе пути черезъ Ледовитый океанъ въ Китай и Индію). При помощи Ченслера начаты были торговыя сношенія съ Англійей. Но Іоаннъ IV чувствовалъ, что черезъ студеное море сносятся съ западной Европой трудно, и все думалъ о Балтійскомъ. И вотъ въ 1554 году изъ-за пограничныхъ земель началась война со шведами, владѣвшими Финскимъ заливомъ. Война эта была не рѣшительной для обѣихъ сторонъ: шведы не были въ силахъ взять русскій Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), но и русскіе не могли отнять у шведовъ Выборгъ, хотя нѣсколько разъ разбили шведовъ въ Финляндіи. Былъ заключенъ миръ, по коему шведы обяза-

вались пропускать своими владѣніями русскихъ въ Западную Европу очень кружнымъ путемъ, а русскіе шведовъ въ Индію и другія земли Азіи. Грамота короля шведскаго начиналась: „мы, Божьею милостью, Свейскій, Готскій и Вендскій король, челомъ бью государю Ивану Васильевичу“. Иоаннъ IV въ своей грамотѣ говорилъ: „мы для королевскаго челобитья разлитіе крови христіанской велимъ унять“. Но война съ Ливоніей, также владѣвшей берегами Балтійскаго моря, тоже была на умѣ Иоанна. Въ 1554 году Иоаннъ начинаетъ требовать отъ нѣмцевъ ливонскихъ уплаты дани, уже не вносящейся въ московскую казну не мало лѣтъ, со времени Иоанна III. „Ливонская земля, говорили московскіе бояре, извѣчная отчина великихъ князей русскихъ, и ливонцы должны платить дань... Не будете платить дани, государь самъ ее соберетъ“. Ливонскихъ рыцарей за обѣдомъ въ Москвѣ посадили за пустыя тарелки. Ливонія, не поддерживаемая въ Германіи и обуреваемая внутренними смутами, была не въ силахъ бороться съ русскимъ царемъ. Его войска взяли Нарву, Нейгаузъ, Юрьевъ (по-нѣмецки) Дерптъ и другіе города, счетомъ до 20. Тогда ливонскій магистръ Кетлеръ, не видя другого исхода, отдалъ Ливонію въ подданство польскому королю, а самъ взялъ себѣ Курляндію, подъ именемъ герцогства; шведы овладѣли Колыванью (по-нѣмецки Ревель), а датчане островомъ Эзелемъ. Подчиненіе Ливоніи Польшѣ привело Иоанна IV къ войнѣ съ поляками, съ которыми у насъ было много и другихъ счетовъ за западно-русскія земли.

Переходъ Ливоніи подъ власть Польши и Швеціи преграждалъ намѣченное Иоанномъ IV движеніе Россіи къ Балтійскому морю и его гаванямъ. Царь думалъ сначала по этому важному вопросу, мирно уладиться съ Польшей: по смерти царицы Анастасіи Романовны, онъ не прочь

былъ жениться на сестрѣ бездѣтнаго короля Польши Сигизмунда II Августа, послѣдняго представителя угасавшей династіи Ягеллоновъ, и тѣмъ добыть права и на Ливонію, и на Литву съ Западною Русью. Но переговоры не удались, и пришлось воевать съ Польшей. Въ 1563 году самъ царь съ большимъ войскомъ и артиллеріей вступилъ въ Западную Русь и осадилъ сильно укрѣпленный Полоцкъ и, принудивъ его къ сдачѣ, праздновалъ свою побѣду почти такимъ же, какъ по взятіи Казани, торжественнымъ вступленіемъ въ Москву. Но скоро и русскіе потерпѣли пораженіе отъ Константина Острожскаго подъ Оршей, и война, шедшая потомъ вяло, была прервана въ 1570 году перемиріемъ на нѣсколько лѣтъ. Въ слѣдующемъ году Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, побуждаемый турками отнять у Россіи Астрахань и Казань, сдѣлалъ неожиданное нападеніе на Москву и сжегъ ее, при чемъ погибло 100,000 народу. По счастью, въ слѣдующемъ году, онъ былъ разбитъ царскимъ воеводой Воротынскимъ подъ Лопаснею, что отвратило татарскія притязанія на Астрахань и Казань и позволило Іоанну снова обратить вниманіе на Западъ и въ особенности на Польшу. Тамъ, какъ разъ въ это время, умеръ послѣдній Ягеллонъ, и Польшѣ и Литвѣ, соединенной въ одно государство подъ власть одного выборнаго государя на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года (Люблинская унія), предстояли королевскіе выборы. Литовскіе и польскіе паны предложили царю выбрать государемъ Рѣчи Посполитой сына его Θεодора Іоанновича; но онъ предлагалъ себя самого въ король польскіе и великіе князья литовскіе, но не хотѣлъ дать денегъ на обычные выборные подкупы, и былъ избранъ французскій принцъ, ушедшій однако изъ Польши, чтобы занять королевскій престоль Франціи, подъ именемъ Генриха III. Въмѣсто того, чтобы, пользуясь этимъ, опять добиваться мирнаго соединенія Польши и Литвы съ Рос-

сией, Иоаннъ возобновилъ войну изъ-за Ливоніи и съ Польшей и Швеціей. Но съ этого времени его начали постигать тяжелыя неудачи. На Польскій престолъ былъ

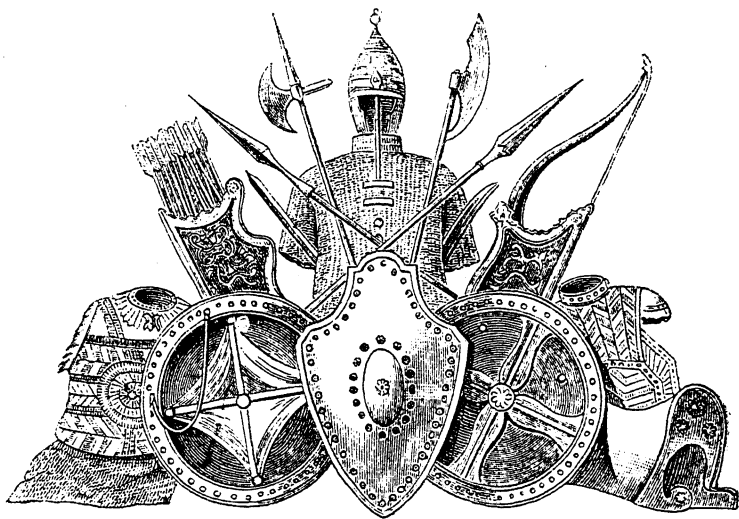
Іоаннъ IV. По Титулярнику.

выбранъ энергическій Трансильванскій воевода Стефанъ Баторій. Онъ отнялъ у русскихъ Полоцкъ и всѣ завоеванные въ Ливоніи города, а шведы отняли у насъ Нарву, Иванъ-Городъ, Ямъ и Копорье. Грозный царь поста-

вленъ былъ въ необходимость даже при помощи папы добиваться мира съ Польшей, для чего посланъ былъ въ Россію іезуитъ Антоній Поссевинъ, давно уже хлопотавшій проложить въ Россію путь для церковной уніи и католичества. Іоаннъ показалъ энергію въ защитѣ православія отъ папизма, но долженъ былъ отказаться и отъ Полоцка, и отъ завоеванныхъ у шведовъ городовъ, и отъ мысли утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря.

Въ эту мрачную пору единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ была геройская защита Пскова русскими и ихъ доблестнымъ воеводой княземъ Шуйскимъ. Съ огромными силами подступилъ сюда Стефанъ Баторій и громилъ Псковъ своей артиллеріей и обезсиливалъ своими окопами и подкопами. Особенно страшень былъ штурмъ, 8 сентября 1580 года, когда поляки взорвали часть стѣны и овладѣли двумя псковскими башнями. Смертный бой закипѣлъ въ самомъ городѣ, но, когда сюда двинулся крестный ходъ съ иконою Богоматери и мощами благовѣрнаго князя Всеволода - Гавріила, русскіе напрягли послѣднія силы: занятая поляками башня отъ взрыва взлетѣла на воздухъ, а войско польское было смято и выброшено изъ города. Русскіе не принимали польскихъ пословъ для переговоровъ о сдачѣ. Тогда Баторій на стрѣлѣ пустилъ въ городъ свою грамоту. Но псковскіе воеводы такимъ же путемъ послали королю свой достопамятный отвѣтъ: „за богатства всего міра не измѣнимъ своему крестному цѣлованію. Если Богъ за насъ, никто не осилитъ насъ: мы готовы умереть, но не предадимъ Пскова... Готовься на брань, а чья будетъ побѣда, Богъ покажетъ“. Эта поразительная твердость русскихъ сдѣлала поляковъ сговорчивыми въ переговорахъ о мирѣ.

У.

вѣтлаго мало представляютъ польско-шведскія войны Иоанна IV. Но еще болѣе мрачными представляются внутреннія событія этого времени: Иоаннъ IV изъ добраго правителя обратился въ грознаго и даже жестокаго и омрачилъ свою славу множествомъ казней. Съ начала шестидесятихъ годовъ этого столѣтія онъ обрушивалъ гнѣвную опалу свою на бояръ, обвиняя ихъ въ недоброхотствѣ къ себѣ, въ непокорности, въ готовности измѣнить въ пользу враговъ Россіи—Литвы и Крыма, даже въ замыслахъ на себя. Когда одинъ изъ бояръ, князь Андрей Курбскій, опасаясь царской опалы, бѣжалъ въ Литву и оттуда прислалъ къ царю письмо, исполненное укоризнъ за его несправедливости, встревоженный Иоаннъ уѣхалъ со своимъ дворомъ въ Александровскую слободу, въ 70 верстахъ отъ Москвы, и показалъ видъ, будто покидаетъ царство. Но когда особымъ посольствомъ на-

родъ просилъ его не дѣлать этого, онъ объявилъ, что соглашается не покидать власти, но подѣлить Русь на двѣ части: на опричнину и земщину. Первая должна находиться подъ властью самого государя и его двора, а вторая—подъ властью бояръ и ихъ великаго князя Семена Бекбулатовича. Задача первой заключалась въ томъ, чтобы выводить и карать измѣну въ земщинѣ. У именитыхъ бояръ и потомковъ удѣльныхъ князей отбирались ихъ земли въ опричнину и имъ взамѣнъ давались новыя въ другихъ мѣстахъ.

Вы, конечно, много слышали о странномъ образѣ жизни въ опричинѣ, дѣлившей свое время между богослуженіемъ, на которомъ опричники присутствовали въ полумонашескихъ одеждахъ, разгульными пирами и кровавыми казнями. Опалы возводились большею частью на бояръ, но онѣ постигли и лицъ духовнаго званія и даже цѣлые города, какъ, напримѣръ, Новгородъ, обвиненный въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Польшей.

Въ виду общеизвѣстности этихъ фактовъ, я не стану говорить о нихъ подробно, но не могу оставить васъ безъ объясненія ихъ.

Нѣкоторымъ историкамъ всѣ эти жестокости кажутся борьбою съ боярствомъ, которое будто шло противъ единодѣржавнаго и самодержавнаго порядка въ государствѣ. Указываютъ на то, что бояре во время болѣзни Іоанна выражали нежеланіе присягнуть его сыну Дмитрію; а хотѣли, чтобы въ случаѣ смерти царя престолъ его перешелъ, какъ въ удѣльное время, къ старшему въ родѣ двоюродному брату государя, князю Владиміру Андреевичу. Говорятъ и о томъ, что при отцѣ Іоанна IV бояре (Берсень Беклемишевъ) жаловались, что государь рѣшаетъ дѣла самъ безъ совѣта боярской думы. Ссылаясь на отъѣздъ Курбскаго въ Литву, утверждаютъ, будто бояре хотѣли возстановить права отъѣзда къ другимъ князьямъ, какъ

было въ удѣльное время, и въ доказательство этого указываютъ на грамоты бояръ, коимъ они обязывались не отъѣзжать изъ Московскаго государства, съ заручными подписями другихъ бояръ и цѣлованіемъ креста (заручныя или крестоцѣловальныя записи). Думаютъ также, что Сильвестръ и Адашевъ правили государствомъ въ духѣ и интересѣ бояръ, и за это были удалены царемъ и замѣнены другими совѣтниками. И вотъ, когда, по смерти ца-

Съ иконы Симона Ушакова.

рицы Анастасіи Романовны, Іоаннъ опозналъ все это, онъ началъ жестоко бороться съ боярствомъ и въ этой борьбѣ дошелъ до крайности.

Не стану подробно разбирать эти взгляды, а скажу, что Царская власть, признаваемая у насъ всѣми властью Милостію Божіей, поддерживаемая и церковію, съ ея первосвященниками, и опирающаяся на сознание ея неприкосновенности во всемъ народѣ на Руси, въ это время уже была чрезвычайно могущественной, чтобы съ ней кто-нибудь могъ и хотѣлъ бы бороться. Да и боярство у насъ, служилое государево сословіе, не имѣло тѣхъ политическихъ силъ,

какъ феодалы на западѣ, позволявшіе себѣ бороться противъ своихъ государей. Борьбы у насъ не могло быть. Да ея и не было.

Когда при Василии III Берсень Беклемишевъ брюзжалъ въ пользу думы боярской, другіе бояре не хотѣли знать надъ собою другой воли, кромѣ воли Бога и Государя. Заговорили было во время болѣзни Іоанна бояре, что трудно служить малолѣтнему Дмитрію, но, когда царь своимъ слабымъ голосомъ укорилъ ихъ за эти слова, они все пошли присягать его сыну. Одинъ Курбскій бѣжалъ изъ Москвы и измѣнилъ своему государству и съ его врагами ходилъ противъ отечества. Другіе же бояре и не думали никуда бѣжать и если давали за себя записи, то изъ страха разгнѣвать гнѣвнаго Іоанна, а онъ ошибочно видѣлъ въ нихъ своихъ враговъ.

Что въ это время лилась кровь дѣйствительно неповинная, доказательствомъ этого служить то, что Св. митрополитъ Филиппъ, не разъ печаловавшійся за опальныхъ, видя Іоанна въ Успенскомъ соборѣ, въ одеждѣ опричной, отказался благословить его и сказалъ ему о крови, неповинно льющейся у самаго алтаря. Что и самъ Іоаннъ въ своей совѣсти не чувствовалъ себя правымъ борцомъ за государственный порядокъ, видно изъ того, что онъ часто самъ калялся въ своихъ жестокостяхъ и записывалъ въ синодики или поминанья имена невинно убіенныхъ...

Но смѣнимъ эту мрачную картину свѣтлой и знаменательной, въ которой проявился глубоко-государственный духъ нашего народа, съ его боярствомъ, духовенствомъ, посадскими и другими людьми. Это—духъ Святой Руси, поднимающійся въ трогательномъ и кроткомъ величїи въ тяжелыя годы нашей исторїи.

Перенеситесь мыслью въ Москву XVI вѣка, въ тѣ дни,

когда грознѣйшій изъ царей рѣшился покинуть свою столицу. Москва вся, отъ мала до велика, смутилась, когда увидала громадныя на долгое время приготовленія въ Кремлѣ къ отъѣзду царскому. Запечалились и затосковали всѣ, когда увидали, что Царь дѣйствительно покинулъ свою столицу; никто не порадовался, что казни прекратились. Немного вздохнулъ народъ, когда узналъ, что покинувшій царство свое государь остановился въ Александровской слободѣ. Всѣ встрепнулись— и бояре, и духовенство, и народъ всѣхъ чиновъ и, никѣмъ непринуждаемые, добровольно отправили въ страшную Александровскую слободу посольство звать Царя на царство, сказать ему, что онъ воленъ казнить своихъ воровъ и измѣнниковъ и дѣлать, что ему угодно. Для этого посольства нужно было больше ума и силы воли, чѣмъ для того, которое было послано въ 862 году для призванія князей. Такой народъ, безъ малѣйшаго колебанія, ляжетъ за Царя, за Русь, что ни случилось бы.

Нужно ли прибавлять, что такой народъ благодушно перенесъ всѣ невзгоды того времени и наименовалъ непамятозлобно Іоанна IV грознымъ царемъ, какъ именовалъ и дѣда его Іоанна III.

Не такъ относились народы Запада къ своимъ государямъ того времени, совершавшимъ свои казни при свѣтѣ возрожденія наукъ и при наличіи парламентскихъ учреждений.

Таковы были тогда въ Англіи Генрихъ VIII и Марія Тюдоръ, въ Испаніи Филиппъ II. Они, какъ Іоаннъ IV, пролили не меньше крови, но память ихъ была запечатлѣна ненавистью народной.

Думаю, что вы послѣ сказаннаго съ примиренной и облегченной душой перейдете къ свѣтлomu явленію царствованія Ивана Васильевича—къ покоренію Сибири.

Глубоко поучительно сказаніе о томъ, какъ казацкая

вольница, повинная предъ государемъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, по-русски искупила ихъ покореніемъ подъ высокую руку государеву Царства Сибирскаго.

Іоаннъ IV. Статуя Антокольскаго.

Южно-русскія степи, послѣ разоренія въ нихъ гнѣздъ татарскихъ, еще долгое время не были заселены и укрѣплены городами, какъ должно. Степную границу охраняла особая порубежная стража, жившая станицами

и именовавшаяся казаками; главными гнѣздами казачества были Донъ и Днѣпръ (первый принадлежалъ Россіи, второй Литвѣ). Русское правительство XVI вѣка еще не было въ силахъ дать надлежащее устройство своему донскому казачеству, и оно, принося пользу защитой границъ нашихъ, по временамъ вредило государству.

Дѣло въ томъ, что въ казачество шли и принимались не отборные люди московскаго государства, сюда текли и его подонки, хотя, пока у насъ не было смуть и чуждыхъ западныхъ вліяній, они и не были столь горькими и ядовитыми, какъ во времена Разина и Пугачева впослѣдствіи. Тѣмъ, кому плохо или тѣсно жилось въ срединѣ государства, голытѣба, да вольница безшабашная, охотно шли на рубежи въ казаки. Безнадзорные, они то защищали русскіе рубежи, сидя смирно по станицамъ, то, составляя шайки удалыя, затѣвали на свой рискъ и страхъ опасныя предпріятія ради добычи. Хорошо, если они на коняхъ или на лодкахъ нападали на татаръ и турокъ, но бывало хуже: разгулявшаяся и безудержная вольница свои разбойничьи нападенія направляла и на русскихъ людей, на наши торговые караваны на Дону и на Волгѣ. Изъ такихъ казачьихъ вольныхъ шаекъ особенно много надѣлала шуму при Иоаннѣ IV шайка Ермака или Василія Тимофеевича. Бездомный, голутвѣнный человекъ, онъ сначала бурлачилъ на Волгѣ, гдѣ, бывши артельнымъ кашеваромъ, прозванъ былъ Ермакомъ, или казаномъ, т.-е. котломъ. Наскучивъ тянуть ляжку, онъ ушелъ на Донъ и былъ здѣсь нѣкоторое время станичникомъ. Но его бурной кипучей натурѣ не сидѣлось на одномъ мѣстѣ. Умный, сильный, красивый, храбрый—онъ скоро сдѣлался атаманомъ большой шайки. На своихъ легкихъ судахъ онъ быстро двигался и по Волгѣ и по Каспійскому морю, дѣлалъ нападенія и на чужіе и на русскіе

караваны. Дѣло зашло такъ далеко, что казаки убили педшаго въ Москву персидскаго посланника и стали грабить царскіе караваны. Царь Іоаннъ Грозный приговорилъ Ермака и его есаула Ивана Кольцо къ смертной казни и двинулъ своихъ воеводъ на Волгу противъ разбойниковъ. Они, конечно, были разбиты; многіе были перевѣшаны; а Ермакъ, съ своими есаулами Иваномъ Кольцо, Иваномъ Грозой, Матвѣемъ Мещерякомъ и Никитою Паномъ и другими товарищами ушелъ на Каму.

Подъ вліяніемъ грозы царской не съ мыслями продолжать разбойничество пошли сюда казаки.

Историческая народная пѣсня такъ рисуется намъ настроеніе Ермака: напала на него тоска лютая, далеко завела его воля вольная, удалъ молодецкая: вышелъ на Волгу добрымъ молодцемъ, вернулся царскимъ послушникомъ и измѣнникомъ. Никуда показаться нельзя: по Волгѣ ходить—все ворами слыть, въ Казань, въ Астрахань пойти повѣшену быть. „Ужъ нашель же ты, говоритъ народная пѣсня, Ермакъ, свою долюшку, патался—мотался по чисту полю, да по синю морю: и выслужилъ награду царскую,—всего два столбика съ перекладинкой, на ней только петля шелковая“... Выходъ изъ этого положенія Ермакъ рѣшилъ найти въ искупленіи своихъ винъ предъ царемъ и отечествомъ, въ подвигѣ на ихъ пользу и въ ихъ славу.

На Камѣ для казаковъ нашлось искупительное дѣло. Въ этомъ краю, прежде совсѣмъ незаселенномъ, съ разрѣшенія государей поселились богатые промышленные люди Строгановы. Имъ предоставлено было вываривать соль, отыскивать руды, заселять земли народомъ земледѣльческимъ, пашеннымъ. Для защиты отъ инородцевъ, Строгановымъ было разрѣшено строить здѣсь укрѣпленія и держать въ нихъ ратныхъ людей, съ огненнымъ—ружейнымъ и пушечнымъ боемъ. Имъ дарованы

были при Іоаннѣ IV и земли по рѣкѣ Чусовой, подвинувшія ихъ къ самому каменному поясу или Уралу и поставившія ихъ въ соприкосновеніе съ царствомъ Сибирскимъ, изъ котораго уже дѣлались нападенія на русскія земли.

Въ 1556 году пришли, говоритъ лѣтопись, къ царю въ Москву послы отъ Сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли Сибирской, поздравили государя съ царствомъ Казанскимъ и Астраханскимъ и били челомъ, чтобы государь князя ихъ и всю землю Сибирскую взялъ на свое имя и отъ всѣхъ непріятелей заступилъ, дань свою на нихъ положилъ. Государь пожаловалъ, взялъ князя Сибирскаго и всю землю въ свою волю и подъ свою руку и дань на нихъ положить велѣлъ. Послы обязались давать съ cadaго чернаго челоуѣка по соболю и по бѣлкѣ сибирской, а черныхъ людей у себя сказывали 30,700 челоуѣкъ. Но такая зависимость Сибирскаго юрта отъ Москвы, только на словахъ, была непрочною. Послать туда войско и русскихъ поселенцевъ еще было нельзя. Новый ханъ Сибирскій Кучумъ даже велѣлъ убить посла московскаго и сталъ нападать по сю сторону Урала на земли пермскія. Племянникъ его Махметъ-Куль, богатырь силою, приходилъ на рѣку Чусовую во владѣнія Строгановыхъ и побилъ здѣсь подвластныхъ Москвѣ остяковъ. Это побудило Якова и Григорія Строгановыхъ бить челомъ царю о разрѣшеніи имъ и за Ураломъ, по рѣкѣ Тоболу, значить уже въ Сибири, строить крѣпости, держать ратныхъ людей, пашни тамъ пахать и желѣзо добывать. Царь далъ Строгановымъ право на это въ 1573 году на 10 лѣтъ и разрѣшеніе оборонять тамошнихъ остяковъ, вогуличей отъ султана Сибирскаго и даже утверждаться на Иртышѣ и Оби. Это значить, Строгановымъ давалось право вести войну съ Сибирскимъ султаномъ. Кто же, какъ не казаки, нужны

были для этой цѣли промышленнымъ людямъ Камскаго края?

Какъ разъ въ это время въ ихъ землѣ появляется отрядъ казаковъ, въ 540 человекъ, подъ начальствомъ атамана Ермака Тимофеевича. Строгановы пригласили ихъ къ себѣ на службу ради похода на Сибирь. Они снабдили ихъ ружьями, маленькими пушками и другимъ оружіемъ, боевыми припасами и провіантомъ и присоединили къ нимъ ратныхъ людей изъ своихъ городковъ—

Знамя Ермака.

литовцевъ, нѣмцевъ, шведовъ (пленныхъ) и русскихъ, всего 300 человекъ. Забравъ съ собою возжакъ, хорошо знавшихъ Сибирскіе пути, толмачей, владѣвшихъ иноподобными языками, священниковъ ради духовныхъ нуждъ, Ермакъ Тимофеевичъ 1-го сентября 1581 года двинулся въ свой знаменитый походъ въ царство Сибирское.

Сначала казаки плыли на стругахъ и челнокахъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой, затѣмъ повернули въ рѣку Серебрянку. Въ иныхъ мѣстахъ по мелководью прихо-

дилось плыть на плотахъ. Изъ Серебрянки перевезлись волокомъ чрезъ проходы въ Уральскомъ хребтѣ въ рѣку Жаровлю, впадающую въ Тагиль, отсюда спустились въ рѣку Туру.

До этого казаки не встрѣчали неприятелей и рѣдко даже и людей по берегамъ видѣли: страна была дикая, почти совсѣмъ безлюдная. По рѣкѣ Турѣ пошло люднѣе. Здѣсь казаки впервые встрѣтили пашни и городокъ. Съ берега тамошніе татары стали стрѣлять въ казаковъ изъ луковъ. Вышли казаки на берегъ, да какъ грянуть изъ неслыханныхъ еще здѣсь ружей, все войско татарское попадало. Пошли ходить межъ лежавшихъ, отыскивая ихъ наибольшаго. Чуть начнутъ сибирцы подымать головы, опять кто-нибудь выстрѣлитъ, и тѣ опять уткнутся носомъ въ землю. Оказалось, что войско вель Кучумовъ мурза Таузакъ. Ласково обошелся съ нимъ Ермакъ и отпустилъ его. Мурза своими разказами про русскихъ нагналъ большого страху на хана Сибирскаго. О нихъ говорили ему, что они необыкновенно сильны, а когда стрѣляютъ изъ лука, то отъ нихъ дымъ и огонь летитъ и будто громъ гремитъ; стрѣль изъ этихъ луковъ не видно, но они уязвляютъ ранами и побиваютъ смертью; ни кольчуги, ни панцыри не выдерживаютъ; выстрѣлы русскихъ все насквозь пробиваютъ.

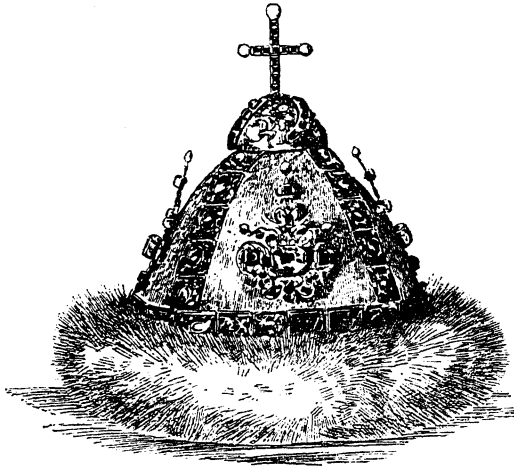
Страшно переполошился отъ такихъ вѣстей Кучумъ. Шаманы (гадатели) говорили, что подъ самой столицей ханскою Сибирью видѣли городъ, а въ немъ—каменные башни, на башняхъ висятъ колокола, а наверху на нихъ кресты; того и гляди, сойдутъ онѣ на Сибирскую землю, и она наполнится русскими людьми. Кучумъ сталъ собирать со всѣхъ сторонъ рати и двинулъ съ передовыми отрядами своего племянника Махметъ-Кула на рѣку Тоболъ, а самъ рѣшилъ ждать казаковъ на Иртышѣ.

На Тоболѣ казаки выдержали жестокую сѣчу съ войсками Махметъ-Кула и разбили ихъ, нанесли поражение и другому воеводѣ Кучумову и взяли его городъ при помощи хитрости. Понадѣлали они чучель изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки казацкія и привязали ихъ къ палкамъ, оставивъ за ними немного людей. Подошли лодки къ юрту. Высыпали татары на берегъ и ну пускать стрѣлы въ чучель. Стрѣляютъ и дивуются, какъ крѣпки русскіе люди: стрѣлъ въ нихъ, что въ снопы налѣплено, а они всѣ невредимы стоятъ. Казаки же тѣмъ временемъ зашли татарамъ съ тыла и взяли ихъ юртъ. Махметъ-Куль съ оставшимися отрядами все еще провожалъ казаковъ, идя по берегу. Пришлось биться съ нимъ при впаденіи Тобола въ Иртышъ.

Войдя въ эту рѣку, Ермакъ сталъ спускаться по нижнему ея теченію, какъ увидѣлъ покинутое городище или укрѣпленіе. Но здѣсь приготовлена была казакамъ засада. Около городища съ одной стороны стоялъ у Чувашевой горы съ войсками самъ Кучумъ, а за городищемъ въ засѣкѣ или укрѣпленіи со своими ратями Махметъ-Куль. Только въ сумерки, когда высадившіеся казаки стали варить себѣ пищу и готовиться на ночлегъ, они догадались, что попали въ засаду и окружены. Составили кругъ казаки. Они всѣ сильно притомились и много у нихъ было раненыхъ. Большинство зашумѣли и готовы были уйти назадъ. Ермакъ, давъ всѣмъ наговориться, вошелъ въ кругъ и сталъ держать рѣчь: „братцы, куда намъ бѣжать? Осень—уже, въ рѣкахъ ледъ смерзается... Не примемъ худой славы, укоризны на себя не положимъ, будемъ надѣяться на Бога: Онъ и безпомощнымъ помощникъ! Вспомнимъ обѣщаніе, какое мы дали чѣстнымъ людямъ (Строгановымъ). Назадъ со стыдомъ возвратиться намъ нельзя. Какъ Богъ намъ поможетъ, то и по смерти память наша не оскудѣетъ въ этихъ странахъ, и слава наша будетъ вѣчна!“

Согласились съ этимъ всё, порѣшили—оставаться и до смерти биться.

На разсвѣтѣ, 23-го октября, казаки двинулись на засѣку. Пушки и ружья сослужили теперь имъ свою службу. Татары изъ своей ограды пускали тучи стрѣль, но мало вреда причиняли русскимъ удалцамъ; наконецъ, сами проломали свою засѣку въ трехъ мѣстахъ и ударили на казаковъ. Начался страшный рукопашный бой. Тутъ уже ружья не помогали: приходилось рубиться мечами или схватываться прямо руками. Оказалось, что казаки и здѣсь себя показали богатырями: несмотря на то, что враги были въ двадцать разъ многочисленнѣе,

Шалма Сибирскаго Царства.

казаки сломили ихъ. Махметъ-Куль былъ раненъ, татары смѣшались, многіе упали духомъ; иные подвластные Кучуму князьки, видя, что враги одолѣвають, оставили бой. Кучумъ бѣжалъ сначала въ свою столицу Сибирь, и, захвативъ здѣсь свои пожитки, бѣжалъ дальше.

26 октября казаки заняли покинутую жителями Сибирь. Приуныли было побѣдители въ пустомъ городѣ. Ихъ

сильно ужъ поубавилось: въ послѣднемъ только сраженіи пало ихъ 107 человекъ; было не мало раненыхъ и больныхъ. Идти дальше имъ стало уже не въ мочь, а между тѣмъ, запасы у нихъ кончились, и наступала лютая зима. Голодь и смерть грозили имъ...

Но чрезъ нѣсколько дней остяки, вогуличи, татары со своими князьками стали приходять къ Ермаку, бить ему челомъ,—приносили ему дары и разные припасы; онъ же приводилъ ихъ къ присягѣ государю, обнадеживалъ ихъ его милостью, обходился ласково и отпускалъ безъ всякой обиды въ ихъ юрты. Казакамъ строго было запрещено обижать покорившихся туземцевъ.

Зиму провели казаки спокойно; только Махметъ-Куль напалъ было на нихъ, Ермакъ разбилъ его, и онъ нѣсколько времени не беспокоилъ казаковъ; но съ наступленіемъ весны думалъ было врасплохъ напасть на нихъ, да самъ попалъ впросакъ: казаки подстерегли враговъ, напали на нихъ сонныхъ ночью и захватили въ плѣнъ Махметъ-Кула. Ермакъ обошелся съ нимъ очень привѣтливо. Плѣнъ этого храбраго и ретиваго татарскаго витязя былъ тяжелымъ ударомъ для Кучума. Въ это же время на него шелъ войной его личный врагъ, одинъ татарскій князь; наконецъ, свой воевода измѣнилъ ему. Дѣла Кучума были совсѣмъ плохи.

Лѣто 1582 года казаки провели въ походахъ, покоряя татарскіе городки и улусы по рѣкамъ Иртышу и Оби. Между тѣмъ Ермакъ далъ знать Строгановымъ, что онъ „салтана Кучума одолѣлъ, стольный городъ его взялъ и царевича Махмета-Кула полонилъ“. Строгановы спѣшили обрадовать этою вѣстью царя. Скоро явилось въ Москву и особое посольство отъ Ермака—Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами—бить челомъ государю царствомъ Сибирскимъ и поднести ему въ даръ драгоцѣн-

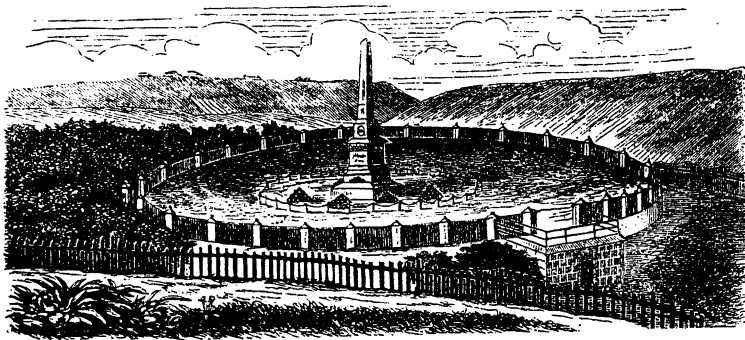
ныя произведенія завоеваннаго края — мѣха соболя, бобровые и лисьи.

Давно уже, говорятъ современники, не бывало такой радости въ Москвѣ. Молва, что не оскудѣла милость Божія къ Россіи, что Богъ послалъ ей новое обширное царство, быстро разносилась въ народѣ и радовала всѣхъ, привыкшихъ слышать за послѣдніе годы только о неудачахъ и бѣдствіяхъ.

Грозный царь принялъ Ивана Кольцо милостиво, не только простилъ его съ товарищами за прежнія ихъ преступленія, но и щедро наградилъ, а Ермаку, говорятъ, послалъ въ подарокъ шубу съ плеча своего, серебряный ковшъ и два панцыря; но, что важнѣе всего, — отправилъ въ Сибирь воеводу, князя Болховскаго, съ значительнымъ отрядомъ войска. Мало удалцовъ оставалось подъ рукою Ермака, и трудно ему было бы удержать свое завоеваніе безъ помощи. Махметъ-Куль былъ отправленъ въ Москву, гдѣ поступилъ на службу царскую; но Кучумъ все-таки успѣлъ оправиться и войти въ силу. Русскимъ воинамъ плохо пришлось въ Сибири: они терпѣли часто недостатки въ жизненныхъ припасахъ; распространились между ними болѣзни; случалось, что татарскіе князьки, притворившись сначала вѣрными данниками и союзниками, губили потомъ отряды казаковъ, довѣрившихся имъ. Такъ погибъ Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами. Воевода, присланный царемъ, умеръ отъ болѣзни.

Скоро затѣмъ погибъ и самъ Ермакъ. Провѣдалъ онъ, что Кучумъ собирается перехватить на пути бухарскій караванъ, шедшій въ Сибирь. Захвативъ съ собою 50 своихъ удалцовъ, Ермакъ поспѣшилъ навстрѣчу бухарскимъ купцамъ, чтобы охранять ихъ отъ хищниковъ на пути по Иртышу. Цѣлый день казаки поджидали караванъ, при впаденіи рѣки Вагая въ Иртышъ; но ни купцы, ни хищники не показывались... Ночь была бур-

ная. Дождь лилъ ливня. Вѣтеръ бушевалъ на рѣкѣ. Истомленные казаки расположились отдохнуть на берегу и скоро заснули, какъ убитые. Оглопалъ на этотъ разъ Ермакъ,—не поставилъ сторожей, не думалъ, видно, чтобы враги напали въ такую ночь. А непріятель былъ очень близокъ: съ другой стороны рѣки подстерегалъ казаковъ!.. Кучумовы лазутчики нашли въ рѣкѣ бродь—пробрались къ русскимъ, и затѣмъ принесли своимъ радостную вѣсть, что казаки спятъ мертвецкимъ сномъ, въ доказательство чего представили три похищенные у

Памятникъ Ермаку въ Tobольскѣ.

нихъ пищали и пороховницы. По указанію лазутчиковъ, татары перебрали тайкомъ чрезъ рѣку, напали на спящихъ казаковъ и перерѣзали ихъ всѣхъ, кромѣ двухъ. Одинъ спасся и принесъ въ Сибирь ужасную вѣсть объ избіеніи отряда, а другой—самъ Ермакъ, услышавъ стоны, вскочилъ, успѣлъ своей саблей отбить убійць кинувшихся на него, бросился съ берега въ Иртышъ, думая спастись вплавъ, но утонулъ отъ тяжести своихъ желѣзныхъ доспѣховъ (5 августа 1584 г.). Чрезъ нѣсколько дней тѣло Ермака теченіемъ рѣки прибило къ берегу, гдѣ и нашли его татары, и по богатымъ доспѣхамъ съ мѣдной оправой, съ золотымъ орломъ на груди,

узнали покорителя Сибири... Но дѣло Ермака не погибло. Путь въ Сибирь былъ указанъ и начало русскому владычеству здѣсь положено (Сиповскій. Родная Старина, часть II, стр. 203, 204).

Народная пѣсня такъ рисуется намъ геройское дѣло Ермака Тимофеевича.

Мы пойдемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя.
Доберемся мы до царства басурманскаго,
Завоеемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ его, братцы, царю Бѣлому,
А царя-то Кучума въ полонъ возьмемъ,
И за то государь-царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку.
Принесу я Царю Бѣлому повинную:
Ой, ты, гой еси, Надѣжа—Православный Царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь держать:
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Какъ и я-то воровской донской атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ по синю морю,
Что по синю морю, по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все орленые.
А теперича, Надѣжа—Православный Царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство Сибирское.
Рѣчь возговорить Надѣжа Православный Царь,
Какъ и Грозный-то Царь Иванъ Васильевичъ:
Ой, ты, гой еси, Ермакъ—сынъ Тимофеевичъ,
Ой, ты, гой еси, войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и съ войскомъ твоимъ.
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то службу мнѣ, за вѣрную.
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный тихій Донъ.

Присоединивъ Сибирское царство къ своимъ владѣніямъ, наши государи посылали изъ Москвы въ Сибирь воеводъ съ казачьими дружинами и стрѣльцами для дальнѣйшихъ присоединеній и для колонизаціи новыхъ земель. Въ теченіе XVII вѣка русскіе проникли до береговъ Тихаго океана и подчинили своему владычеству всю нынѣшнюю Сибирь. Такъ казакъ Буза открылъ устья Лены у Ледовитаго океана; Стадыкинъ основалъ Нижне-Колымскъ; Денежневъ, Алексѣевъ и Акундиновъ обогнули азіатскій материкъ и открыли проливъ между Азіей и Америкой. Казакъ Атласовъ открылъ Камчатку и положилъ здѣсь начало русскимъ поселеніямъ. Казакъ Ерофей Хабаровъ съ горстью удалцовъ покорилъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Приамурскій край, отданный въ 1689 году опять Китаю. Только чрезъ сто лѣтъ онъ снова былъ присоединенъ къ Россіи, благодаря энергіи генераль-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева, наименованнаго Амурскимъ.

Сибирь въ полтора раза болѣе всей Европы и занимаетъ болѣе 12 милліоновъ квадратныхъ верстъ, болѣе милліарда десятинъ. Три рѣки ея: Лена, Енисей и Амуръ, каждая болѣе Волги. Она даетъ около 2 тысячъ пудовъ золота въ годъ. Не исчисляемъ, сколько она даетъ серебра. На одномъ Алтаѣ въ послѣдніе сто лѣтъ добыто было 77 тысячъ пудовъ серебра. Чрезвычайно много здѣсь и мѣди, и желѣза, и каменнаго угля. Чудныя каменные породы малахитъ, яшма, лапись-лазурь, дивныя драгоценныя мѣха—первые въ мірѣ соболи, бобры камчатскіе, чернобурья лисицы, песцы, горностаи—все это слава и богатство Сибири. Но ея богатства, по ея отдаленности и малой населенности, слабо разрабатывались до сихъ поръ.

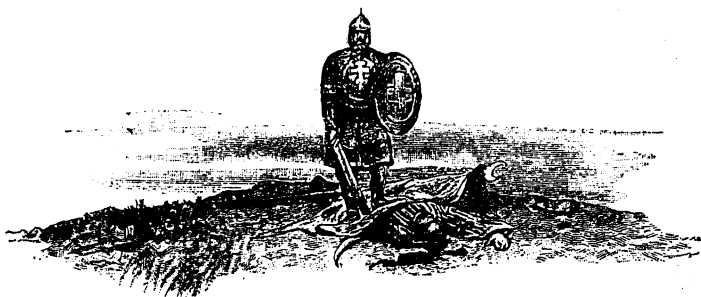
12 лѣтъ тому назадъ на этой восточной окраинѣ Русскаго царства прозвучали великія историческія слова Высо-

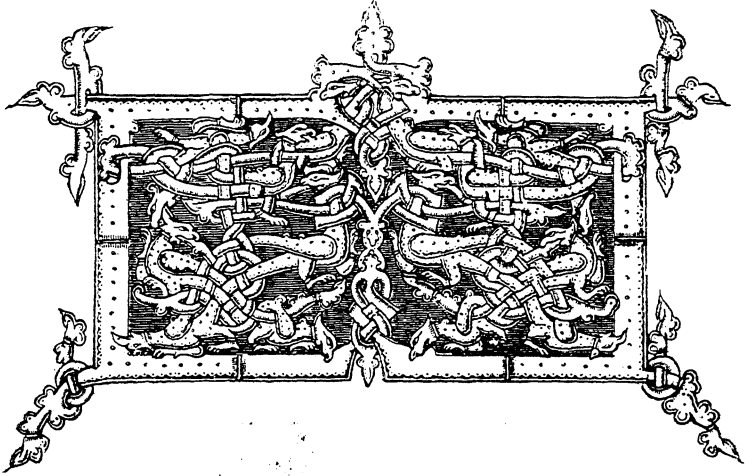
чайшаго рескрипта въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III. Этимъ рескриптомъ, даннымъ 17 марта 1891 года на имя тогдашняго Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича, поручено было Ему совершеніе закладки величайшаго во всемъ мірѣ желѣзно-дорожнаго пути Сибирской желѣзной дороги, идущей отъ Великаго океана къ горамъ Уральскимъ. Главнымъ строителемъ этой дороги былъ Самъ Государь Императоръ. Въ короткій періодъ это самое гигантское изъ всѣхъ всемірныхъ сооруженій почти закончено. Оно простирается со включеніемъ восточно-китайской желѣзной дороги на 8,380 верстъ и стоитъ 780,000,000 руб. Вдоль этой дороги двигаются сотнями тысячъ русскіе переселенцы, строятся села и города съ церквами - школами. По дорогѣ, гдѣ прежде ѣздили на собакахъ и оленяхъ, идутъ теперь поѣзда и везутъ всякіе товары.

Недолго послѣ покоренія Сибири прожилъ Царь Иванъ Васильевичъ и скончался 18 марта 1584 года, въ тотъ самый годъ, какъ погибъ и Ермакъ. Для характеристики отношеній народа къ этому дѣйствительно Грозному Царю приводимъ слѣдующую народную историческую пѣсню:

На святой Руси—въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ—въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было—у Великаго,
У собора—у Успенскаго
У Михаила—у Архангела,—
Ударяли въ царь-колоколъ.
Во соборѣ-то во Архангельскомъ
Стоитъ новъ-кипарисный гробъ,
Во гробу-то лежитъ Православный Царь,
Православный Царь—Иванъ Грозный Васильевичъ,
Въ головахъ его стоитъ святы животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
На ногахъ его лежитъ грозенъ вострый мечъ,

Животворящему кресту всякой молится,
Золотому вѣнцу всякій кланяется,
А на грозенъ мечъ взглянетъ — всякъ ужаснется,
Вокругъ гроба горять свѣчи восковыя.
Передъ гробомъ стоять архіереи со игумнами,
Они служатъ, читаютъ, память отпѣвають,
Отпѣвають память вѣчную Царю Православному
Царю Грозному Ивану Василичу.

VI.

То смерти Иоанна IV остались двое его сыновей: старший уже женатый Феодоръ и младшій—малолѣтній Дмитрій. Москва, какъ и слѣдовало по старшинству, присягнула царю Феодору, а младшій, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ смуть, съ матерью его Маріей изъ рода Натихъ и ея родственниками, былъ удаленъ изъ Москвы въ Угличъ, немедленно по кончинѣ отца.

Феодоръ былъ хилъ здоровьемъ и не крѣпокъ духомъ. Въ высокой степени религіозный, кроткій и добрый, онъ былъ не отъ міра сего. Отцу онъ казался предназначеннымъ не къ дѣламъ правленія, а къ иночеству. Народъ почиталъ его святымъ и миръ и тишину его царствованія приписывалъ особому благословенію Божию, именно за эту святость царя. Въ рукописныхъ святцахъ XVII столѣтія онъ ставится въ ряду святыхъ, какъ „святой благовѣрный царь и великій князь Феодоръ Иоанновичъ“, а въ рукописныхъ подлинникахъ (руковод-

ствахъ къ иконописи) именуется „новымъ всея Россіи чудотворцемъ“. Въ Архангельскомъ соборѣ подъ гробницей его стояло иконописное его изображеніе безъ короны на головѣ, но съ сіяніемъ или вѣнцомъ святости.

Въ началѣ его правленія особою близостью къ государю пользовались два родственныхъ (по женской линіи) боярскихъ рода: Романовы (по царицѣ Анастасіи) и Годуновы (по царицѣ Иринѣ). Изъ Романо-

Иконописный портретъ Теодора Іоанновича.

выхъ дядя государя Никита Романовичъ, отмѣченный народной любовью еще при Грозномъ и скоро скончавшійся, былъ нѣкоторое время правителемъ государства. Послѣ него остались его сыновья, изъ которыхъ особая симпатія народа привлекалъ сынъ его Теодоръ (въ иночествѣ Филаретъ Никитичъ), какъ своей царственной наружностью, такъ и умомъ и благороднымъ характеромъ. Впослѣдствіи въ народѣ говорили, что царь Теодоръ Іоанновичъ хотѣлъ сдѣлать этого двоюроднаго брата своимъ наслѣдникомъ на царствѣ. Но и Романовыхъ, какъ и другихъ именитыхъ бояръ, изъ коихъ родовитостью сво-

ею выдѣлялись особенно князья Шуйскіе, — Рюриковичи, оттѣсниль отъ престола бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Онъ не былъ родовитъ, потому что вель происхожденіе свое отъ татарскаго мурзы Чета, котораго въ XIV вѣкѣ крестилъ въ христіанство святитель Петръ. Но своимъ умомъ и изворотливостью онъ умѣлъ возвыситься еще при Грозномъ: онъ тогда женился на

Ѳеодоръ Іоанновичъ. Изображеніе на Царь-пушкѣ.

дочери сильнаго Малюгы-Скуратова, а царевичъ Ѳеодоръ женился на его сестрѣ Иринѣ. Это уже одно могло приблизить его къ Ѳеодору Іоанновичу. Но Борисъ, дѣловитый и красивый по наружности, обладалъ большимъ умомъ и значительными правительственными, хотя и нецарственными дарованіями; былъ честолюбивъ и властолюбивъ, вошелъ въ полное довѣріе къ государю и сдѣлался въ это царствованіе правителемъ

государства. Онъ держаль скипетръ государя при его коронованіи и удостоенъ былъ титула великаго ближняго боярина, намѣстника царства Казанскаго и Астраханскаго, великаго конюшаго, а, послѣ отраженія отъ Москвы крымцевъ, получилъ очень рѣдкій титулъ „слуги царева“. Земельныя и другія пожалованія ему были такъ велики, что онъ могъ содержать на свои доходы сто-тысячное войско. Иностранные послы добивались приѣма у правителя, а англійская королева писала ему грамоты и называла его „своимъ любительнымъ братомъ и лордомъ протекторомъ“. Правленіе Годуновъ вель довольно умно. Онъ заселялъ Сибирь и укрѣплялъ ее за Россіей, строилъ тамъ и въ другихъ мѣстахъ города, на югѣ отражалъ крымскихъ татаръ, напавшихъ на самую Москву, возвратилъ отъ шведовъ нѣкоторые города, захваченные при Іоаннѣ IV. Должны быть отмѣчены еще заботы этого времени о правосудіи (изданіе новаго недавно открытаго судебника), о порядкѣ въ управленіи, о развитіи торговли, преимущественно же о благотворительности. Въ исторіи Москвы, какъ города, это царствованіе памятно построеніемъ каменныхъ стѣнъ вокругъ Бѣлаго города (по линіи нынѣшнихъ бульваровъ, стѣны эти и ихъ ворота были разобраны въ царствованіе Екатерины II) и деревянныхъ, такъ называемаго скородома, по линіи Садовой. Стѣны Китай-города, какъ вы знаете, были построены великой княгиней Еленой Глинской въ малолѣтство Іоанна IV. Кромѣ того, построенъ былъ Донской монастырь, въ память пораженія крымскихъ татаръ подъ самой Москвою, гдѣ стояла чудотворная икона, бывшая съ Димитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ и вынесенная въ это время къ войску.

Но главными явленіями въ царствованіе Феодора Іоанновича были учрежденіе патріаршества и прикрѣпленіе крестьянъ.

Къ царствованію Θεодора Іоанновича завершилась уже организація или устройство нашего московскаго государства, въ его царской наслѣдственной самодержавной власти, въ ея вышшихъ и областныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какова царская дума, приказы и намѣстничества и воеводства, а равно и въ государственныхъ сословіяхъ. И наша церковь православная имѣла твердое устройство. Но она по имени еще считалась частью константинопольскаго патріаршества: вышшая власть надъ нашимъ духовенствомъ, тоже по имени,

Донской монастырь.

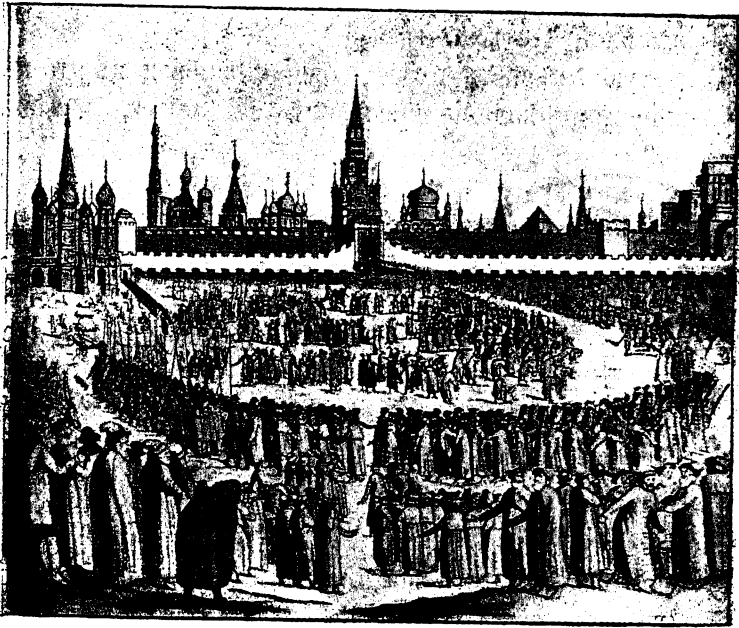
считалась принадлежащей къ константинопольскому патріархату.

По мѣрѣ того, какъ Царградъ и греческая имперія клонились подъ турецкими ударами къ паденію въ государственномъ отношеніи и къ упадку въ церковномъ, быстро росло значеніе Москвы и Россіи. Вы помните, что въ княженіе Василя II Темнаго греки пытались цѣною подчиненія своей церкви власти папской купить помощь себѣ у народовъ запада противъ турокъ и приняли такъ называемое флорентійское соединеніе церквей или унію. Но, не получивъ желаемаго, греки только уронили себя своей невѣрностью православію въ глазахъ русскихъ,

и для нихъ стала тяжела и слабая зависимость сѣвшею своимъ православіемъ русской церкви отъ константинопольскихъ патріарховъ; у насъ со времени святого митрополита Іоны уже сами русскіе епископы, безъ согласія константинопольскаго патріарха, поставляли себѣ все-россійскихъ митрополитовъ. Но, когда Царьградъ былъ взятъ турками, греческое православіе въ масульманской неволѣ было сильно утѣсняемо, а Россія именно въ эту пору почувствовала себя мощной и въ политическомъ и въ церковномъ отношеніи наслѣдницей павшей Византіи. Іоаннъ III, какъ вы знаете, принялъ гербъ византійской имперіи—двоглаваго орла; Москва стала мыслить себя третьимъ Римомъ, смѣнившимъ собою два павшихъ. Русскіе люди того времени говорили: „а похочетъ князь великій всея Руси за свою отчину константинопольскую стояти, зане же турецкій султанъ вотчину великаго князя держитъ, и онъ нынѣ имѣетъ пригодный путь“. Сознаніе государственной и церковной мощи Россіи и побудило Іоанна IV возвести свое государство, взаменъ павшей Византіи, на степень царства, провозгласить себя царемъ, равнымъ греческимъ и римскимъ императорамъ. Было случайностью, что не первый Царь, а его сынъ и преемникъ Θεодоръ Іоанновичъ возвелъ первосвятителя Русской Церкви, митрополита всероссійскаго, въ патріархи, какъ равнаго всѣмъ другимъ патріархамъ восточнымъ и превосходившаго всѣхъ ихъ тѣмъ, что онъ былъ представителемъ наиболѣе цвѣтущей на всемъ православномъ востокѣ церкви.

Прибытіе въ Москву въ 1586 году антиохійскаго патріарха Іоакима, за сборомъ пожертвованій въ пользу страждущихъ на востокѣ православныхъ, и его торжественныя служенія въ Успенскомъ Соборѣ возбудили въ Царѣ мысль объ учрежденіи патріаршества въ Россіи. Θεодоръ Іоанновичъ созвалъ освященный со-

Борь и боярь на совѣщаніе по этому предмету и сказали: „по волѣ Божіей на востокѣ патриархи только по имени называются святителями, а власти почти вовсе лишены. Наша же страна, какъ видите, въ многорасширеніе приходитъ, а потому хочу, если Богу угодно и Писанія Божественныя не противорѣчатъ этому, да устроится превысочайшій престоль патриаршескій въ

Крестный ходъ въ вербное воскресенье.

царствующемъ градѣ Москвѣ. Думаю, это будетъ не во вредъ благочестію, но послужитъ къ преуспѣянію вѣры Христовой“. Уѣзжавшій изъ Москвы съ большими дарами патриархъ антиохійскій принялъ порученіе спросить согласіе на это у восточныхъ патриарховъ. Черезъ нѣсколько времени за такимъ же сборомъ и уже съ соглашеніемъ патриарховъ пріѣхалъ въ Москву патриархъ константинопольскій Іеремія. Ему было предложено стать

патріархомъ всероссійскимъ, но жить не въ Москвѣ, а во Владимірѣ. Онъ отъ этого отказался, но посвятилъ съ великой торжественностью въ патріархи митрополита Іова, 26 января 1589 года. Четыре архіепископа новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій возведены были въ санъ митрополичій, а шесть епископовъ получили званіе архіепископовъ. Такъ учрежденіемъ патріаршества завершилась организація Русской Православной Церкви.

Большую важность имѣло совершившееся въ это царствованіе прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, измѣнив-

Иркенныи епъ, в жито
мтито патрархъ мос
копскн фсеаршеин.

Печать и подпись патріарха Іова.

шее организацію этого сословія и имѣвшее важное вліяніе и на всѣ другія сословія.

На Руси мало было развито рабство. Рабами—полною собственностью господъ были такъ называемые холопы или кабальные, образовавшіеся изъ военно-плѣнныхъ или людей, купленныхъ внѣ предѣловъ Россіи въ рабство, изъ несостоятельныхъ должниковъ и изъ добровольно продавшихся въ рабство. При мягкости славянской натуры, обращеніе съ рабами у насъ не было столь тяжкимъ, какъ у другихъ народовъ; они часто отпускались господами на волю, или убѣгали и рѣдко разыскивались и были возвращаемы назадъ. Весь низшій классъ народа

представлялъ свободную или вольную массу преимущественно хлѣбопашцевъ, или земледѣльцевъ, которые называли себя крестьянами, т.-е. христианами. Примѣчательно, что земледѣльцы рѣдко называли себя „ратаями“, по своему занятію, чаще называли себя по національности русскими или Русью, а главнымъ образомъ величали себя, по своей вѣрѣ или религіи,—христианами, пока-

Воевода.

зывая тѣмъ, что въ себѣ они больше всего цѣнили свою вѣру, свое христианство.

Но крестьянство и при громадномъ обилии пустопорожныхъ земель мало выдѣляло изъ себя собственниковъ. Это объяснялось трудностью отдѣльнымъ людямъ, и даже ихъ группамъ—общинамъ, обрабатывать дѣвственную цѣлину Русской земли и обзаводиться своимъ хозяйствомъ и усадьбами. При легкости оброковъ за пользованіе владѣльческими землями, при возможности получить отъ

землевладельцевъ и готовый инвентарь, для обработки земли, крестьяне охотно селились на владѣльческихъ земляхъ; селились или на государевыхъ земляхъ и тогда они назывались бѣлошапками или бѣлосопными, или на государственныхъ и назывались черносопными. Равнымъ образомъ селились они на церковныхъ земляхъ, принадлежавшихъ монастырямъ и церквамъ, и на земляхъ бояръ-

Воины.

вотчинниковъ, имѣвшихъ наслѣдственные земли, или на земляхъ помѣстныхъ, какія давались дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ за службу во временное пользованіе, съ обязательствомъ по царскому указу являться на государеву службу конными, людными и оружными и со своимъ провіантомъ, т. е. на своемъ конѣ, съ своимъ вооруженіемъ, съ однимъ или нѣсколькими слугами и запасомъ провіанта на первое время похода. Крестьяне, селясь на чужихъ земляхъ и обрабатывая ихъ за оброкъ землевла-

дѣльцамъ, платившимъ поземельныя подати, были сначала свободны уходить съ занимаемыхъ ими земель. Но эти переходы были беспорядочны: крестьяне уходили съ земель то предъ временемъ ихъ обработки и посѣва, то во время жатвы, оставляя землевладельцевъ безъ работы; лишая ихъ возможности воздѣлывать землю, платить поземельныя подати, положенныя по писцовымъ книгамъ, и даже отправлять воинскую повинность. Въ виду этого государственная власть стала ограничивать право пере-

Съ иконы Симона Ушакова.

хода крестьянъ съ одной земли на другую. До Теодора Иоанновича установилось правило, что крестьяне могутъ уходить съ обрабатываемыхъ ими земель только по окончаніи всѣхъ сельскохозяйственныхъ работъ, съ наступленіемъ зимы, около Юрьева дня (день Георгія Побѣдоносца, 26 ноября) въ теченіе трехъ недѣль. Все остальное время года они были крѣпки землѣ и не могли уходить съ нея.

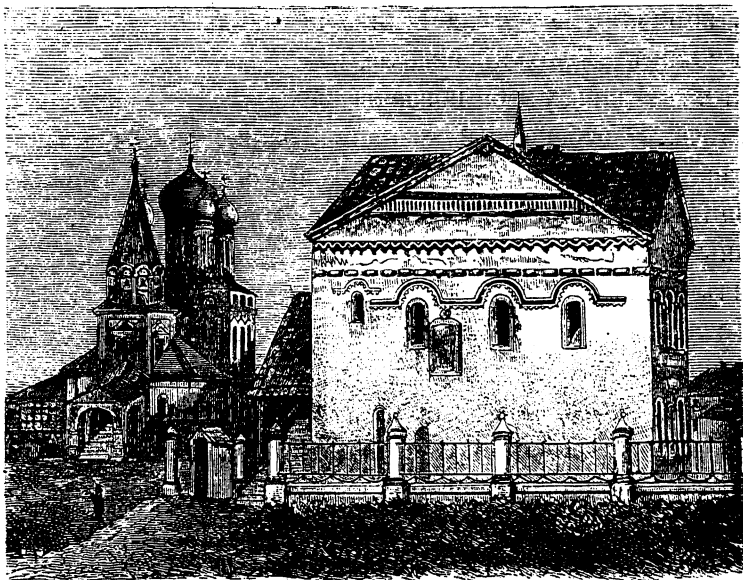
Но при этомъ условіи къ началу XVII вѣка получило повсемѣстное господство слѣдующее явленіе. Земли мел-

кикъ землевладѣльцевъ, ихъ помѣстья, за уходомъ крестьянъ въ Юрьевъ день, оставались много лѣтъ вѣдетъ не обработанными, потому что крестьяне уходили къ крупнымъ землевладѣльцамъ, которые давали болѣе льготъ по обработкѣ своихъ земель. Этими мелкіе землевладѣльцы были поставлены въ безысходное положеніе: имъ нечѣмъ было платить государству поземельные налоги съ необработанныхъ земель и не на что было отбывать воинскую повинность, не на что было ни купить коня, ни приобрѣсти оружіе, ни снарядить людей въ походъ и проч. Между тѣмъ, эти мелкопомѣстные владѣльцы составляли главную войсковую массу. Жалованье же имъ государству, кромѣ земель, платить было нечѣмъ, а земли необработанныя не давали ничего. Въ виду этого Борисъ Годуновъ отмѣнилъ право Юрьева дня, т. е. право перехода крестьянъ съ одной земли на другую. Такъ крестьяне стали крѣпкими землѣ, и возникло крѣпостное право. Въ началѣ оно не обращало крестьянъ въ рабовъ или холоповъ, какъ слугъ господскихъ, и первоначально не давало права помѣщикамъ продавать ихъ безъ земли, оставляя крестьянамъ свободу трудиться и работать въ свою личную пользу. Но, несомнѣнно, и въ этомъ видѣ крѣпостное право представляло для крестьянства большую тягость. Много думали государи наши о снятіи съ народа этой тяготы, объ отмѣнѣ крѣпостного состоянія крестьянъ, пока, наконецъ, не приспѣло для этого время при Императорѣ Александрѣ II. Этотъ Самодержецъ сдѣлался освободителемъ 20 милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Но какъ ни важны были разобранныя событія—учрежденіе патріаршества и прикрѣпленіе крестьянъ, — они были поставлены въ тѣнь другими событіями: смертью царевича Димитрія и кончиною Θεодора Іоанновича, которыя прекратили царствующій домъ св. Владиміра. По-

трясенія, вызванныя этимъ, называются у насъ смутнымъ временемъ и длились 15 лѣтъ до избранія на царство Михаила Феодоровича Романова, родоначальника Царствующей нынѣ Династїи.

9-лѣтній царевичъ Дмитрій жилъ съ матерью и ея братьями Нагими въ Угличѣ въ опалѣ отъ правителя государства Бориса Годунова; съ нетерпѣніемъ ожидали

Дворецъ въ Угличѣ.

Нагіе совершеннолѣтїя царевича, чтобы занять подобающее положеніе въ Москвѣ. Но это могло лишить Годунова власти и самого его повергнуть въ опальное состояніе. И онъ, конечно, думалъ не только объ этомъ, а и о возможности проложить себѣ путь къ престолу послѣ бездѣтнаго Феодора. Питая властолюбивые замыслы достигнуть такой высоты, онъ окружилъ царевича и его родственниковъ своими людьми. Мамкой Дмитрія сдѣлана была Волохова. Подъ предлогомъ наблюденія за земскими дѣлами

и дворцовымъ хозяйствомъ посланъ былъ въ Угличъ дьякъ Михайла Битяговскій съ сыномъ Даниломъ и племянникомъ Качаловымъ. Эти-то люди и сдѣлались убійцами царевича; мать его подозрительно относилась къ этимъ годуновскимъ приставамъ, не спускала глазъ съ царевича. Но вотъ что случилось 15 мая 1591 года. Пока царица, послѣ обѣдни, на которой была съ сыномъ, замѣшкалась въ хоромахъ дворца, мамка Волохова вмѣстѣ съ кормилицею повела гулять на дворъ царевича. Сынъ ея Осипъ Волоховъ подошелъ къ Дмитрію и спросилъ: „это, государь, у тебя новое ожерелье“? „Нѣтъ, старое“, — отвѣчалъ ребенокъ и поднялъ голову, чтобы показать ожерелье. Въ рукахъ Волохова сверкнулъ ножъ; но ударъ былъ невѣренъ, поранена была лишь шея, а гор-тань осталась цѣла. Злодѣй пустился бѣжать. Царевичъ упалъ, кормилица прикрыла его собой и стала кричать. Битяговскій сынъ и Качаловъ нѣсколькими ударами ошеломили кормилицу, оттащили отъ нея ребенка и дорѣзали его. На крикъ кормилицы выбѣжала изъ дворца царица-мать и съ раздирающими душу криками упала на тѣло своего сына. На дворѣ никого уже не было; но соборный пономарь, бывшій въ это время на колокольнѣ, видѣлъ совершившееся и ударилъ въ набатъ. Сбѣжался народъ. Слыша отъ матери, что царевича убили подосланные Годуновымъ люди, убили, по указанію Нагихъ, обоихъ Битяговскихъ, Качалова и Волохова. Тѣло царевича было положено въ гробъ и поставлено въ церкви, а къ Θεодору Іоанновичу отправленъ былъ гонецъ съ грамотой съ извѣстіемъ о страшномъ злодѣяніи. Но гонца провели сперва къ Годунову; тотъ велѣлъ взять у него грамоту, написалъ другую, гдѣ говорилось, что царевичъ самъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни. Θεодоръ Іоанновичъ долго и неутѣшно плакалъ о братѣ. Было назначено, слѣд-

Воярь Георгъ Никитъ Романовъ. И. Е. Рѣпина.

ствіе, порученное преданнымъ Годунову боярину Клепнину и крутицкому архіепископу Геласію, вмѣстѣ съ княземъ Василюемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, который хотя и былъ враждебенъ Годунову, но часто кривилъ душою. Слѣдователи повели такъ розыски, что оказалось, будто и вправду царевичъ накололся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Обвинены были въ самоуправствѣ Нагіе и угличане. Первыхъ отправили въ заточеніе; изъ вторыхъ многихъ казнили, а еще больше сослали въ Сибирь, куда отправленъ былъ и набатный колоколъ. Но народъ не вѣрилъ этому и считалъ виновникомъ убіенія царевича Димитрія Бориса Годунова; съ чуткой тревогой все думали о кончинѣ царя Θεодора и толковали, что будетъ послѣ его смерти.

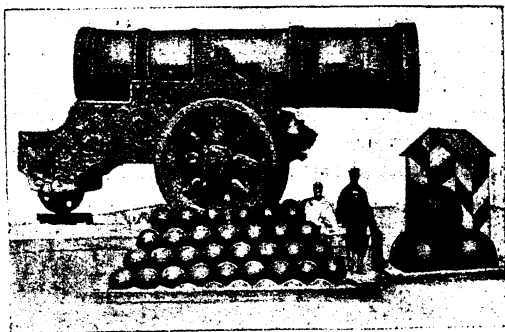
Въ слѣдующемъ 1592 году у царя Θεодора родилась дочь Θεодосія. И, когда чрезъ 10 мѣсяцевъ она умерла, народъ охотно вѣрилъ нелѣпымъ толкамъ, будто Годуновъ извелъ и маленькую царевну.

Чрезъ 6 лѣтъ послѣ этого скончался слабый здоровьемъ и царь Θεодоръ Иоанновичъ. „Великая печаль, говоритъ лѣтопись, была на Москвѣ, въ Крещенъе, 1598 года“, когда разнеслась тревожная вѣсть, что государь умираетъ. Народъ любилъ его не только такъ, какъ царелюбивые русскіе люди любятъ и каждого законнаго и прирожденнаго своего государя. Онъ чтилъ Θεодора Иоанновича за его особое благочестіе и, какъ вы знаете, прямо почиталъ его святымъ и приписывалъ „миръ и безмятежіе“, его царствованія особому Божию благословенію, почивавшему на немъ. Но къ этому присоединялось еще весьма важное обстоятельство: „последній царственный цвѣтъ Русской земли отходилъ отъ очей всѣхъ“, говоритъ лѣтопись. Все знали, что съ нимъ прекращается домъ св. Владиміра, основавшій Русское государство, просвѣтившій его вѣрою Христо-

вой и возведшій его въ могущественное Царство Всероссийское, всѣ знали, какъ трудно найти новаго государя, родоначальника прирожденныхъ, наслѣдственныхъ царей.

Бояре и патриархъ все время безотлучно находились при умирающемъ царѣ и ждали отъ него рѣшенія важнѣйшаго и труднѣйшаго вопроса: „Кому царство и насъ сирыхъ приказываешь и свою царицу“?—спросилъ патриархъ у государя. Но умиравшій не указалъ себѣ преемника. „Въ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ; какъ Ему угодно, такъ и будетъ, и съ царицею моею воленъ Богъ; а какъ ей жить,—о томъ у насъ уложено“.

Укажи умиравшій царь на царственнаго и любимаго народомъ боярина Феодора Никитича Романова, и тяжкій вопросъ разрѣшился бы о новомъ царѣ и царствующемъ домѣ. Смуты не послѣдовали бы. Но Феодоръ Иоанновичъ не сдѣлалъ этого; онъ не указалъ и на своего шурина, тогдашняго правителя государства, Бориса Годунова. И народъ по необходимости долженъ былъ самъ, въ лицѣ высшихъ правительственныхъ лицъ, рѣшать трудный вопросъ, кому вручить верховную власть въ государствѣ? Это и привело къ страшнымъ смутамъ.

IV. 264.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
I. Возвышеніе Россіи въ періодъ паденія Византійской Имперіи. Іоаннъ III, какъ единодержецъ и самодержецъ Руси. Покореніе Новгорода и присоединеніе къ Москвѣ другихъ удѣловъ. Борьба съ Литовско-Польскимъ государствомъ за обладаніе русскими землями. Сверженіе монгольскаго ига.....	1 — 17
II. Соединеніе самобытно-русскихъ основъ самодержавія съ византійскими преданіями въ правленіе Іоанна III. Первое на Руси, по образцу царскаго, коронованіе его внука. Законодательная дѣятельность Іоанна III. Государственный гербъ при немъ. Иностранныя сношенія. Значеніе его въ исторіи Москвы, какъ города.....	18 — 41
III. Василій III. Паденіе Пскова и присоединеніе послѣднихъ удѣловъ Сѣверо-восточной Руси. Борьба съ Литвою и Крымомъ. Внутренняя политика Василя, его второй бракъ и кончина ...	42 — 67
IV. Малолѣтство Іоанна IV и правленіе великой княгини Елены Глинской и думы боярской. Воспитаніе Грознаго. Начало его самостоятельнаго правленія и внутренній переворотъ. Вѣнчаніе на царство и женитьба на Анастасіи Романовнѣ. Сильверстъ и Адашевъ и блестящая эпоха царствованія. Покореніе Казани и Астрахани. Дѣла крымскія и ливонскія. Войны съ Польшей и Швеціей.....	68 — 90
V. Новая перемѣна въ Іоаннѣ IV, опричина и казни. Объясненіе всего этого. Покореніе Сибири Ермакомъ и ея значеніе для Россіи.....	91 — 110
VI. Царь Θεодоръ Іоанновичъ и его характеръ. Борисъ Годуновъ— правитель государства. Учрежденіе патріаршества и прикрѣпленіе крестьянъ. Смерть царевича Дмитрія и кончина Θεодора Іоанновича, прекратившая царственную династію, дають начало смутному времени.....	111—127

ИМПЕРАТОРСКІЙ Историческій музей.